

УДК 903.5(571.53)"6343"

Ранненеолитический могильник Моты – Новая Шаманка в долине р. Иркут

В. И. Базалийский

Иркутский государственный университет

С. А. Песков

Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области

А. А. Щетников

Институт земной коры СО РАН

А. А. Тютрин

Лицей № 1 г. Иркутска

Аннотация. Представлена характеристика и анализ материалов из разрушенного в период с 1991 по 2005 г. крупного ранненеолитического могильника, расположенного в долине нижнего течения р. Иркут. В процессе хозяйственного освоения земельного участка погребальные комплексы вместе с геологическими образованиями бугра, на котором они располагались, были спланированы в границах жилой усадьбы. В переотложенной толще зафиксировано множество окрашенных охрой сломанных человеческих костей, большое количество изделий из зеленого и белого нефрита и других пород камня, кости и рога. Подробно рассмотрена геоморфологическая ситуация локализации могильника. Приводится описание отдельных категорий сопроводительного инвентаря. Обсуждаются вопросы культурной принадлежности и хронологии разрушенного могильника.

Ключевые слова: Байкальский регион, могильник, ранний неолит, китайская традиция погребений, могила, сопроводительный инвентарь, «жезл», медведь, составной рыболовный крючок, изделия из нефрита.

Введение

Долина р. Иркут в археологическом отношении исследована крайне неравномерно. Район верхнего и среднего течения реки (Тункинская долина) разного рода учеными, в числе которых были также и археологи, исследуется с первой четверти XIX в. К настоящему времени в этом регионе открыто более 40 археологических объектов, в том числе 3 погребальных комплекса эпохи неолита и бронзового века [Новые археологические объекты … , 2014]. Долина нижнего течения р. Иркут, за исключением устьевого участка, изучена слабо. Первое археологическое местонахождение под наименованием «Чертова Яма», расположенное на правом приустьевом мысу р. Олхи у с. Смоленщина, исследовано в 1926 г. [Хороших, 1955]. С этого времени и до конца 1980-х гг. дан-

ный участок долины археологами с разведочными целями не посещался. В 1988 г. А. В. Тетенькиным возле пос. Пионерск был раскопан ритуальный комплекс, представленный каменной кладкой и нефритовым теслом. В период с 1990 по 2008 г. на левом берегу р. Иркут в окрестностях с. Шаманка открыты и частично исследованы стояночные комплексы Утес Шаманский и Усть-Куйтун, а западнее г. Шелехова, в районе с. Введенщина и пос. Пионерск, – местонахождения Старый Иркут, Пионерск I, II, III. Археологические объекты датируются в широком хронологическом диапазоне от мезолита до средневековья [Песков, 2003; Песков, Краснощеков, 2008]. Следует отметить, что к устью правого берега р. Иркут приурочен крупнейший ранненеолитический некрополь Северной Азии – Локомотив [Окладников, 1974].

Настоящая статья посвящена вводу в научный оборот материалов крупного могильника эпохи раннего неолита Моты – Новая Шаманка. Он зафиксирован на территории с. Новая Шаманка (Шелеховский район Иркутской области), расположенного на правом берегу р. Иркут в зоне приусտевого участка р. Верхние Моты, на расстоянии 40 км по прямой линии к юго-западу от центра г. Иркутска (рис. 1, 2). В 2014 г. в ямах, вырытых в положительной форме рельефа для установки забора, на меже, разделяющей земельные участки, расположенные по адресу: ул. Смоляная, 20 и ул. Куйтунская, 21, были обнаружены человеческие кости и каменные артефакты. О находке хозяинка усадьбы, находящейся по адресу: ул. Куйтунская, 21, К. Г. Цимборевич сообщила в Иркутский областной краеведческий музей, откуда информация поступила к главному археологу ОГАУ «ЦСН» С. А. Пескову.

Геолого-геоморфологическая ситуация (долина р. Иркут в зоне местонахождения могильника)

Село Новая Шаманка расположено на северной окраине Олхинского плоскогорья, в месте, где пересекающая это поднятие р. Иркут выходит на равнинные территории юга Сибирской платформы. Олхинское плоскогорье является, с одной стороны, наклонно поднятой окраиной Сибирской платформы, где денудирован ее чехол, с другой – северным плечом-противоподнятием восточной части Тункинского рифта и крайней юго-западной части Байкальского рифта. Остатки чехла платформы сохранились лишь над северным склоном-уступом плоскогорья, а на остальной его территории обнажена поверхность архейско-протерозойского кристаллического фундамента – экспонированная в процессе денудации древняя поверхность выравнивания, вошедшая в состав мел-палеогенового пенеплена. Именно в районе расположения пос. Шаманка из-под осадочного чехла платформы, сложенного в этом месте кембрийскими пестроцветными песчаниками, доломитами и конгломератами, обнажаются кристаллосланцы и гранитоиды фундамента платформы. Максимальных абсолютных высот (1500 м) Олхинское плоскогорье достигает в своей юго-западной части, где обрывается в сторону днища Тункинского рифта крутым склоном в виде системы протяженных и узких тектонических ступеней. На северо-восток и север Олхинское плоскогорье постепенно понижается до отметок 700–800 м и меньше. Вертикальное расчленение здесь составляет в среднем 200–300 м, редко достигая 500–600 м.

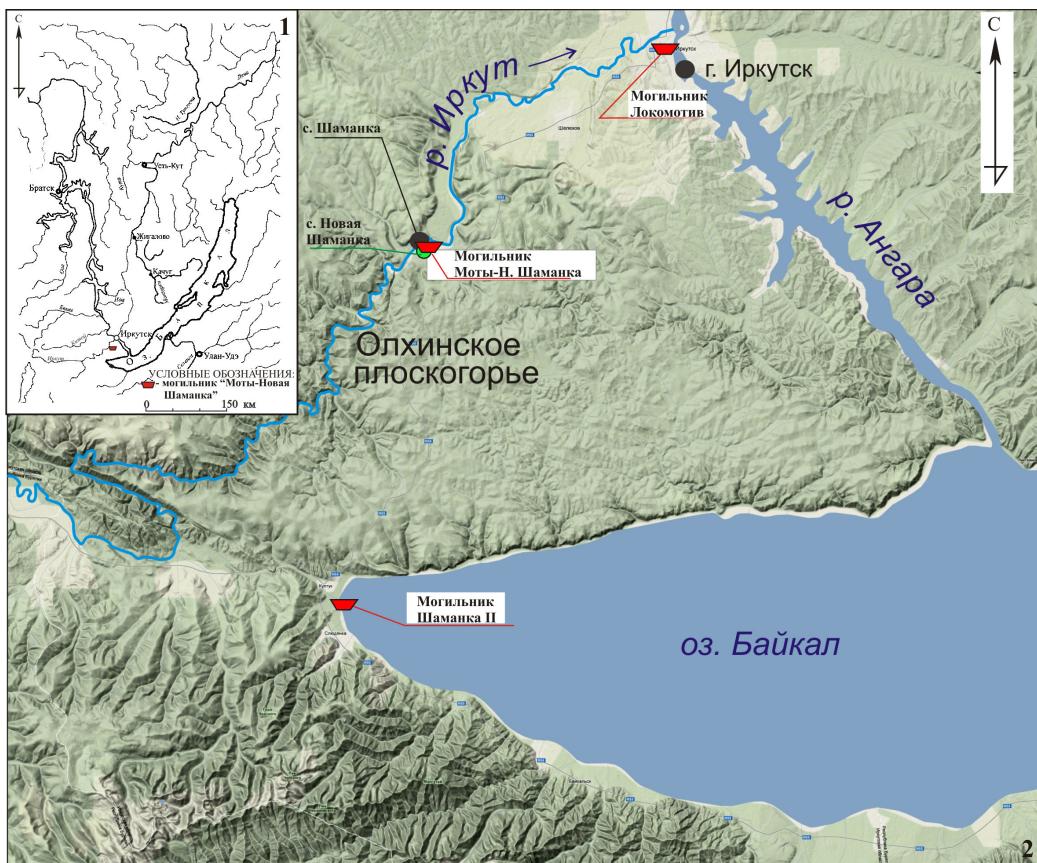

Рис. 1. Карта:

1 – расположение могильника Моты – Новая Шаманка; 2 – расположение могильников Шаманка II, Моты – Новая Шаманка

На большей части плоскогорья сохранился мягкий, увалистый рельеф древнего уровня планации с характерными скальными останцами типа торов. Вершинный пояс плоскогорья составлен широкими и чуть выпуклого профиля вершинными поверхностями, которые образуют субгоризонтальный уровень с множественно выпуклым профилем – типичный облик доорогенной поверхности выравнивания типа пенеплена. Вершинные поверхности плавно переходят в средней крутизны склоны, составляющие борта этих долин.

Речные долины Олхинского плоскогорья, как правило, широкие с плоскими, заболоченными днищами. Слоны моделируются в основном криогенными процессами (десерпцией и курумообразованием) и линейной эрозией. И лишь к окраинам поднятия, особенно к юго-западной, долины углубляются, становятся V-образными, увеличивается крутизна их тальвегов.

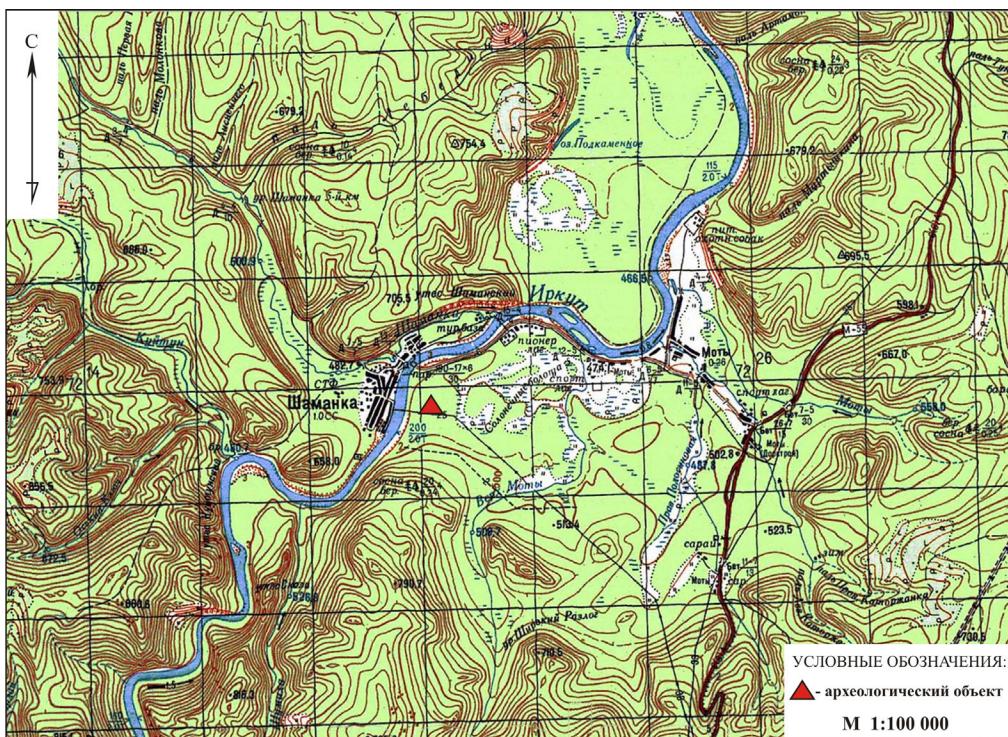

Рис. 2. Топографическая карта местонахождения могильника Моты – Новая Шаманка

Левобережное с. Шаманка и правобережное с. Новая Шаманка находятся в месте, где р. Иркут выходит из ущелья в тектоническую долину-грабен. Долина реки здесь резко расширяется, открываясь амфитеатром к северо-востоку на холмистые пространства Иркутско-Черемховской равнины. Главным элементом морфологических ландшафтов ее днища становится комплекс пойменных террас, русло обретает меандрирующий характер, разбивается на протоки, обрастают старицами. Слоны долины в основаниях выполаживаются, становятся педиментированными. С севера над с. Шаманка нависает 200-метровой высоты скалистый утес Шаманский с почти вертикальным стенками, изрезанными крутыми кулуарами. Слагающие его вишневого цвета песчаники с белыми прослойями придают скальнику особую живописность.

Террасовый комплекс долины р. Иркут в районе с. Шаманка образуют пойменные уровни. Высота низкой поймы не превышает 3 м, ее узкая полоса ограничивается зоной бичевника и оссередками. В сильные паводки затапливается уровень высокой поймы. Ее средняя высота составляет 5–8 м. Терраса здесь достигает ширины нескольких километров. Бровку террасы наращивает широкий плосковершинный прирусловой вал высотой 1,5–2 м. Слагают аккумулятивную равнину в районе расположения поселка валунные галечники, в верхней части разреза обогащенные песчано-гравелистым материалом и с линзами хорошо сортированного светло-серого руслового песка. Мощность терра-

сового аллювия, по данным бурения (согласно устному сообщению местного населения), составляет около 13 м.

Рельеф высокой поймы довольно сложный. Если левобережная часть террасы, на которой расположен исторический центр поселка, имеет ровную площадку, то на правом берегу ее поверхность опутана густой эрозионной сетью – разветвленной системой неглубоких широких ложбин с плоскими заболоченными закочкареными днищами, соединяющейся с низовьями р. Верхние Моты – правым притоком р. Иркут. Суходолы имеют прерывистый характер распространения, замыловатые плановые очертания, плохо проработанные тальвеги, часто образуют бассейновые расширения, в которых господствуют моревые ландшафты. Функционирование данной эрозионной сети носит сезонный характер и возобновляется в периоды максимальных паводков, когда р. Иркут выходит на высокую пойму, разливаясь на обширных пространствах аккумулятивной равнины. В последний раз такое событие наблюдалось во второй половине июля 1971 г. и сопровождалось существенным подтоплением с. Шаманка.

Площадку террасы в прирусловой ее части, открытой ветрам, дующим из ущелья р. Иркут, осложняют реликтовые (закрепленные почвенно-растительным слоем) формы эолового микрорельефа в виде пологих неправильной формы песчаных дюн высотой 3–7 м, возвышающихся цепочкой «островов» над поверхностью поймы. Именно к ним приурочены погребальные комплексы и культурный слой. Слагаются дюны светло-коричневого цвета разнозернистые плохо сортированные пылеватые пески ближнего переноса – проработанный эоловыми процессами аллювиальный мелкозем. В связи с хозяйственной деятельностью человека эоловые бугры постепенно уничтожаются, их срезают с целью нивелирования неровностей местного микрорельефа.

История разрушения могильника

Хозяйственное освоение территории, находящейся на правом берегу р. Иркут, началось около 25 лет назад. В 1991 г. предположительно руководством Шелеховской районной администрации было принято решение о продаже земельных участков, расположенных через реку от левобережного с. Шаманка, в частную собственность гражданам для заселения. Населенный пункт получил наименование Новая Шаманка. Село расположено местами на первой надпойменной террасе, местами – на высокой пойме правого берега р. Иркут с двумя дюнными возвышениями, локализованными на ул. Смоляной и Куйтунской (рис. 3). Реликтовый рельеф территории, ныне занятой селом, был бугристо-западинным. Невысокие бугры эолового происхождения (дюны), не более 1–1,5 м высотой, сопровождались неглубокими западинами. Остатки этого рельефа с воронками от вывороченных с корнями деревьев сохранились на площадях не освоенных к настоящему времени земельных наделов. При планировке жилых усадеб эти невысокие бугры были срыты, а западины засыпаны с помощью землеройной техники, в результате чего бугристо-западинный реликтовый рельеф преобразовался в искусственно равнинный.

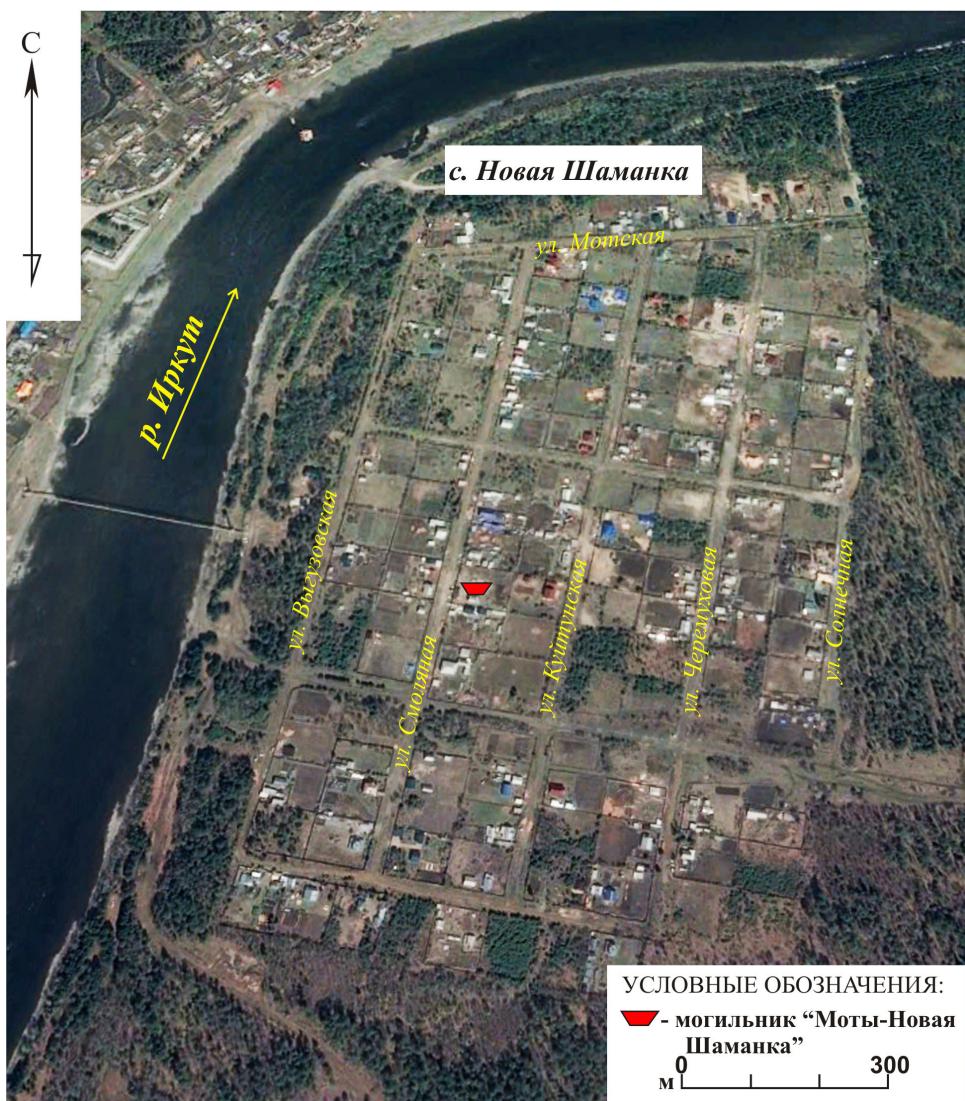

Рис. 3. План местонахождения могильника Моты – Новая Шаманка на территории села Новая Шаманка

На освобожденной от деревьев и кустарника площади над низменной в целом поверхностью возвышались две дюны с гипсометрическими отметками 5–7 м от уровня высокой поймы. Верхние и средние уровни этих двух дюн хозяевами земельных участков были срезаны, и грунт (песок вместе с горизонтом сформированной на его поверхности современной почвы) распределен в межевых границах усадеб (рис. 4, 1). Одна дюна располагалась на расстоянии 250 м к востоку от современного пешеходного моста через р. Иркут, в межевых границах усадьбы, расположенной по адресу: ул. Смоляная, 20, вторая – на расстоянии 100 м к северо-востоку от первой – вдоль левого борта сухого ручья или русла протоки на ул. Куйтунской. На первом бугре в древности был орга-

низован могильник, относящийся к раннему неолиту, и, предположительно, находился культурный слой эпохи неолита – бронзы. Второй бугор, судя по результатам разведочных работ, был свободен от археологических объектов. В настоящее время поверхность земельного участка, расположенного по адресу: ул. Смоляная, 20, по сравнению с соседними выше на 1–2 м. Площадь земельного участка – 3000 м² (50×60 м). В юго-западной четверти усадьбы расположен жилой дом, в центре – баня, с западной стороны бани складированы различные стройматериалы. Вдоль юго-восточной половины западной стенки ограды построен дровяной сарай. Восточную половину земельного участка занимает огород. Бугор находился в западной части усадьбы на месте жилого дома и бани. Как показали рекогносцировочные и спасательные работы, археологический и антропологический материал бульдозером в основном перемещался с запада на восток, на огород, к восточной меже усадьбы. Отдельные разрушенные погребения сохранились на западной экспозиции склона нижнего уровня бугра, западнее жилого дома.

Материалы

Раскопочные работы. Раскопки проведены в 2014 и 2015 гг. в восточной и западной частях территории усадьбы. В восточной части земельного участка заложен раскоп I площадью 96 м² и глубиной от 1 до 1,5 м. Раскоп II площадью 11 м² и глубиной до 0,2 м располагался в западной части усадьбы, на нижнем уровне западной экспозиции сохранившегося склона бугра, к северо-западу от жилого дома. Кроме этого, в северо-западном углу усадьбы заложены 3 контрольных шурфа и раскоп III общей площадью 24 м² с целью обследования зоны будущего строительства гаража (рис. 4, 3).

На восточной меже усадьбы, в зоне строительства ограды, изначально был вскрытая полоса протяженностью 50 м и шириной 1 м. На участке наибольшей концентрации археологического материала к ней в западном направлении сделана прирезка площадью 46 м². Общая вскрытая площадь раскопа I составила 96 м².

Рыхлые отложения, вскрытые в раскопе, подверглись техногенно-антропогенному воздействию, в результате чего грунт, содержащий археологические остатки, был сильно смешен и перемешан. В строении рыхлых геологических образований выделяется 3 горизонта:

1. Суглинки средне-легкие, сильно гумусированные, серого и темно-серого цвета – горизонт современной почвы, включающий полуразложившиеся растительные остатки. Слой сухой, не уплотнен, искусственного происхождения. Переход в нижележащий слой – явный, граница ровная. Мощность – 0,45–0,5 м.

2. Пески разнозернистые, плохо сортированные, пылеватые, ближнего переноса – проработанный эоловыми процессами аллювиальный мелкозем. Слой искусственного происхождения, сухой, непрочной структуры, разнослоистый. Включения – в виде корней растительности, комков гумусированного суглинка и ярко-бурых прослоек, новообразования отсутствуют. Материал слоя перемешен с западной половиной земельного участка, с бугра. Переход в нижележащий слой – явный, граница неровная (уровень современной дневной поверхности). Мощность слоя – 0,8–1,0 м.

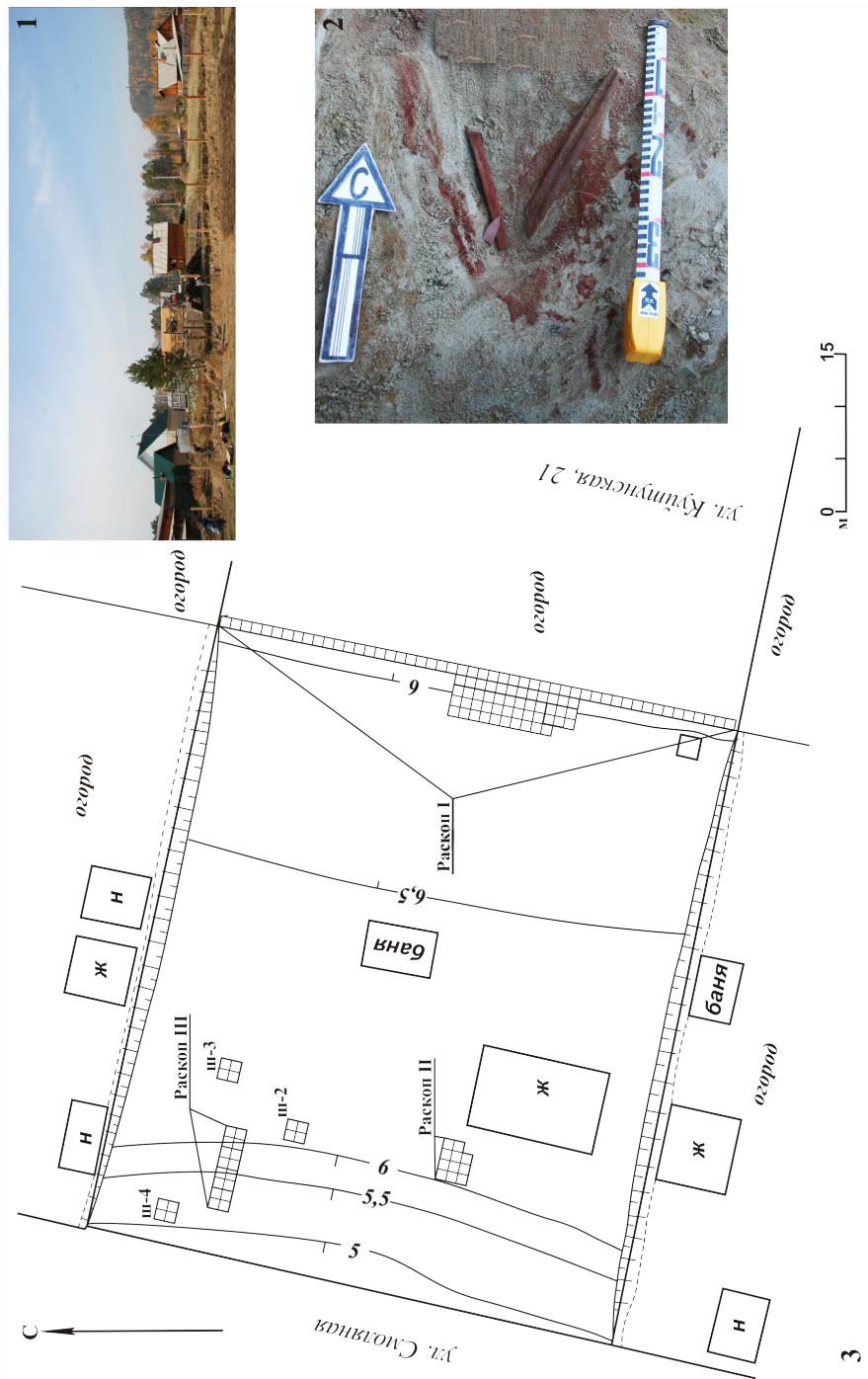

Рис. 4. Могильник Моты – Новая Шаманка:
1 – общий вид с восточной стороны; 2 – предметы сопроводительного инвентаря
в технологическом наброске; 3 – план локализации раскопов
в усадьбе по адресу: ул. Смоляная, 20

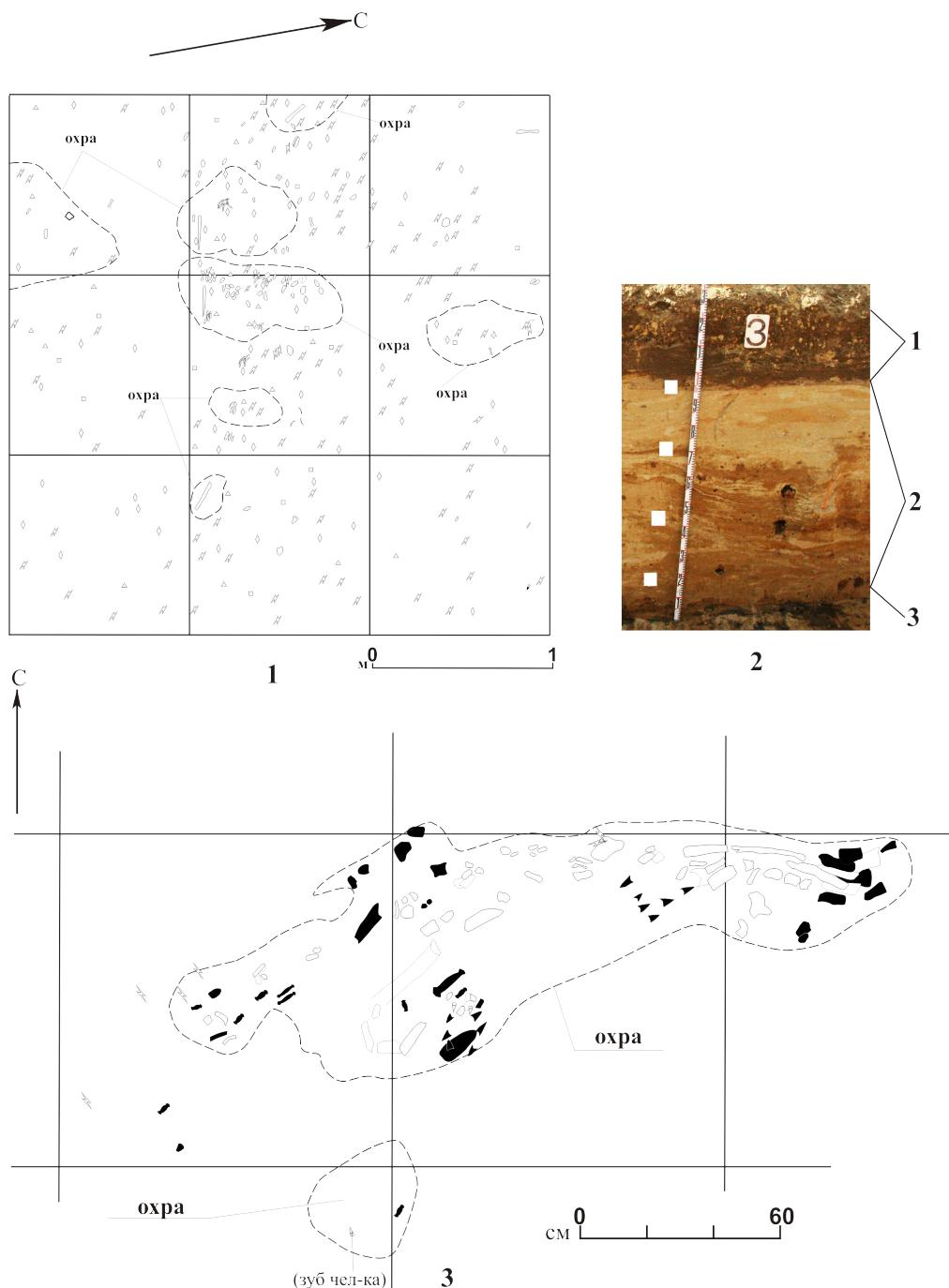
3. Пески мелкозернистые, ярко-бурого цвета. Горизонт естественного формирования, рыхлый, влажноватый, комковатой структуры. Включения в виде единичных корней травяной растительности, фрагменты гумусированного суглинка, фрагменты стволов и веток сгнивших деревьев, гальки, супесчаные прослойки. Вскрытая мощность слоя – 0,05–0,1 м (рис. 5, 2).

Генезис и возраст отложений горизонтов 1 и 2 – техногенный и современный. Формирование гумусированного (почвенного) горизонта 1 искусственно, происходило в наше время. Горизонт 2 сформирован также искусственно, перемещением грунта с бугра на огород. Формирование горизонта 3 естественное, происходило в позднем голоцене.

Переотложенный и перемещенный археологический материал содержится в толще горизонта 2 – от кровли до подошвы. В плане и профиле раскопа артефакты, фрагменты человеческих костей и окрашенные охрой пятна в основном располагались хаотично. Но на отдельных участках раскопа в окрашенных охрой пятнах на площади одного или двух квадратов фиксировались развалы скоплений наконечников стрел, стержней составных рыболовных крючков, речных галек, целых и фрагментированных человеческих костей. Это может свидетельствовать в отдельных случаях о довольно компактном перемещении бульдозером погребений и скоплений сопроводительного инвентаря с бугра в конец огорода. Локально располагающиеся нефритовые тесла, крупные рубящие орудия из рога, абразивы, составные вкладышевые клинки и другие предметы и человеческие кости, как правило, были интенсивно окрашены охрой или находились в окружении окрашенного песка. Тотальному разрушению подвергся сопроводительный инвентарь из кости и рога, за исключением очень небольшого количества изделий. Предметы из камня преимущественно сохранились в первозданном виде. Палеоантропологический материал в основном разрушен, кроме костей фаланг пальцев, позвонков и отдельных трубчатых костей (рис. 4, 2; 5, 1).

Всего в раскопе I выявлено 1125 находок, в составе которых: 254 предмета из камня; 173 фрагмента изделий из кости и рога (включая целые орудия); 127 речных галек, входивших в состав сопроводительного инвентаря; 49 фрагментов керамики эпохи неолита – бронзы, относящихся к культурному слою; 522 фрагмента человеческих костей. Зафиксированные костные человеческие останки относятся, по предварительному определению палеоантрополога Д. В. Пежемского, к 19 взрослым индивидуумам.

Раскоп II площадью 11 м² заложен в западной части усадьбы, на западной экспозиции склона сохранившегося нижнего уровня бугра. Трассированная площадь раскопа располагалась на расстоянии 3 м к западу от северо-западного угла жилого дома, в зоне проявления на современной поверхности окрашенного охрой пятна, в котором находились человеческие зубы, фрагменты подвески из расщепленного клыка кабана и стерженек составного рыболовного крючка (рис. 4, 2). Геологические образования двора представлены толщей светлого среднезернистого песка, в которую был вмещен археологический материал.

Rис. 5. Планиграфия:
1 – фрагмент плана раскопа I; 2 – фрагмент разреза раскопа I;
3 – фрагмент плана раскопа II

Толща песка предположительно относится к нижнему уровню уничтоженного бугра. На глубине 0,07–0,15 м от современной поверхности на площади 6 м² расчищено два интенсивно окрашенных охрой пятна, в которых располагался археологический материал. Одно пятно небольшое, овальной в плане формы. Второе – более крупное, длиной 2,28 м и шириной 0,68 м – имело аморфные очертания и продольной осью было ориентировано по линии ЮЗЗ–СВВ. В небольшом окрашенном охрой пятне выявлены человеческий зуб и стержень составного рыболовного крючка китайского типа. Крупное окрашенное охрой пятно было заполнено фрагментами человеческих костей и предметами, представляющими сопроводительный инвентарь. В восточном секторе этого пятна расчищено компактное скопление, состоящее из трубчатых костей, фрагментов костей таза человека и предметов из камня и кости. Пятно продольной осью ориентировано по линии З–В (рис. 5, 3).

В раскопе II зафиксировано 147 предметов: 5 тесел и пластинчатый нож из зеленого нефрита; 10 стержней составных рыболовных крючков китайского типа; 13 наконечников стрел из кремня и микрокварцита; 2 абразива (выпрямители древков стрел) и 4 фрагмента плоских брусков из песчаника; 2 фрагмента плитчатого окремненного аргиллита; 2 фрагмента гематита с потертостями на поверхности; кремневый отщеп; пластина зеленого нефрита овальной в плане формы (орудие?); 4 фрагмента подвесок из расщепленного клыка кабана; 37 фрагментов неопределенных изделий из кости и рога; 2 фрагмента шнуровой керамики; 63 фрагмента человеческих костей, в числе которых части черепа и зубы.

Судя по локализации археологического и антропологического материала в окрашенных охрой пятнах, можно предположить, что археологические остатки, вскрытые в раскопе II, относятся к одному или двум разрушенным погребальным комплексам.

Всего в двух раскопах зафиксировано 1272 предмета: 295 целых и фрагментированных изделий и отдельностей сырья из камня; 127 речных галек; 214 фрагментов и 15 целых изделий из кости и рога; 51 фрагмент шнуровой, сетчатой и гладкостенной керамики (рис. 9, 5, 7, 8); 585 фрагментов человеческих костей. Фрагменты керамики относятся к культурному слою эпохи неолита и бронзы, который, видимо, был приурочен к голоценовым гумусированным горизонтам бугра.

Изделия из камня. В составе коллекции прежде всего следует рассмотреть группу артефактов из зеленого и белого нефрита (30 экз.). В нее входят: тесла; треугольные ножи китайского типа; пластинчатые (строгальные) ножи; проколка; крупнаяшлифованная пластина; фрагмент плоского остроконечника, раздавленного бульдозером; плоские, частичношлифованные фрагменты (предположительно орудий); отдельности нефрита со следами двустороннего пилиения и последующего разлома; плоский, тонкий скол овальной в плане формы со следамишлифования на одной стороне.

Тесла (15 экз.). Форма изделий в плане овальная и трапециевидная. Все орудия плоские с овально-выпуклым и реже прямым контуром лезвия. Боковые края в большей или меньшей степени скашиваются к обушку. Лезвия односто-

ронне заточены с брюшком. В профиле большинства изделий спинка прямая, брюшко – овально-выпуклое. Обушок 14 орудий затуплен и одного – заострен. Один из боковых краев у двух тесел сохраняет следы двустороннего подпиления с последующим отламыванием заготовки. На краях небольшого нефритового тесла в области обушка прослеживаются слабые вогнутости (перехват). По размерам изделия подразделяются на три группы: крупные, длиной 21–17 см (3 экз.), средние – 15,5–13 см (6 экз.), мелкие – 11–5 см (6 экз.). Овальная в плане форма преобладает у тесел крупных и средних размеров, трапециевидная – у мелких орудий (рис. 6, 1, 2, 3).

Ножи (5 экз.). Все изделия оформлены на тонких нефритовых пластинах. По количеству лезвий и, предположительно, по функциональному назначению подразделяются на 2 вида. К первому виду относятся орудия с двумя лезвиями, расположенными под острым углом (3 экз.), – «треугольные» ножи китайского типа (по А. П. Окладникову). Выполнены из белого и зеленого нефрита. Изделия из зеленого нефрита в плане имеют усеченно-ромбовидную и овальную форму. Двусторонне заточенные, диагонально направленные лезвия сочленяются в центре ножа, образуя острие. Края оснований прямые, скошены к аккуратно обломанному проксимальному концу у одного изделия и к овально-выпуклому – у второго (рис. 6, 5, 6). Основание ножа из белого нефрита имеет прямоугольную в плане форму. Рабочая часть (лезвия) оформлена аналогично вышеописанной. Боковые края прямые, затуплены абразивной подработкой. Проксимальный конец также прямой, направлен перпендикулярно сагиттальной линии орудия, обрезан косым пропилом с одной плоскости (рис. 6, 4). Длина ножей варьирует в пределах 5,8–4,4 см, ширина в зоне сочленения основания и лезвий – 3,5–2 см, толщина – 0,3–0,2 см. Второй вид представлен двумя пластинчатыми ножами. Форма изделий в плане удлиненно-овальная и подтреугольная. Контуры лезвий ножей, которые заточены с одной плоскости, слабо овально-вогнут. Фаски узкие. Обушки притупленные, прямые, скашиваются к дистальной части орудий. Основания в плане широкие с овально-выпуклым контуром у одного и прямым – у второго ножа (рис. 7, 8). Длина изделий – 8,1 и 6,5 см, ширина основания – 3,3 и 3 см соответственно, толщина – 0,3 см. Поверхность ножей обоих видов на 100 % оформлена шлифованием.

Овальная массивная пластина. Изделие в плане овальной формы, в профиле – слабо овально-изогнутое, в сечении имеет форму удлиненного овала. Края по периметру пластины оформлены с помощью обивки, плоскости – шлифованием. На теле сохраняются каверны заготовки. Пластина выполнена из светло-зеленого нефрита. Длина изделия – 23,2 см, ширина – 7,8 см, толщина – 1,95 см.

Проколка (сверло?). Орудие оформлено на стержневидном фрагменте темно-зеленого нефрита удлиненно-аморфных в плане очертаний с шиповидным выступом на широком конце и заостренным узким противоположным концом. Плоские стороны орудия подшлифованы. Боковые поверхности острия и шиповидного выступа залощены. Длина орудия – 8,4 см, ширина – 2,3 см, толщина – 0,85 см (рис. 7, 4).

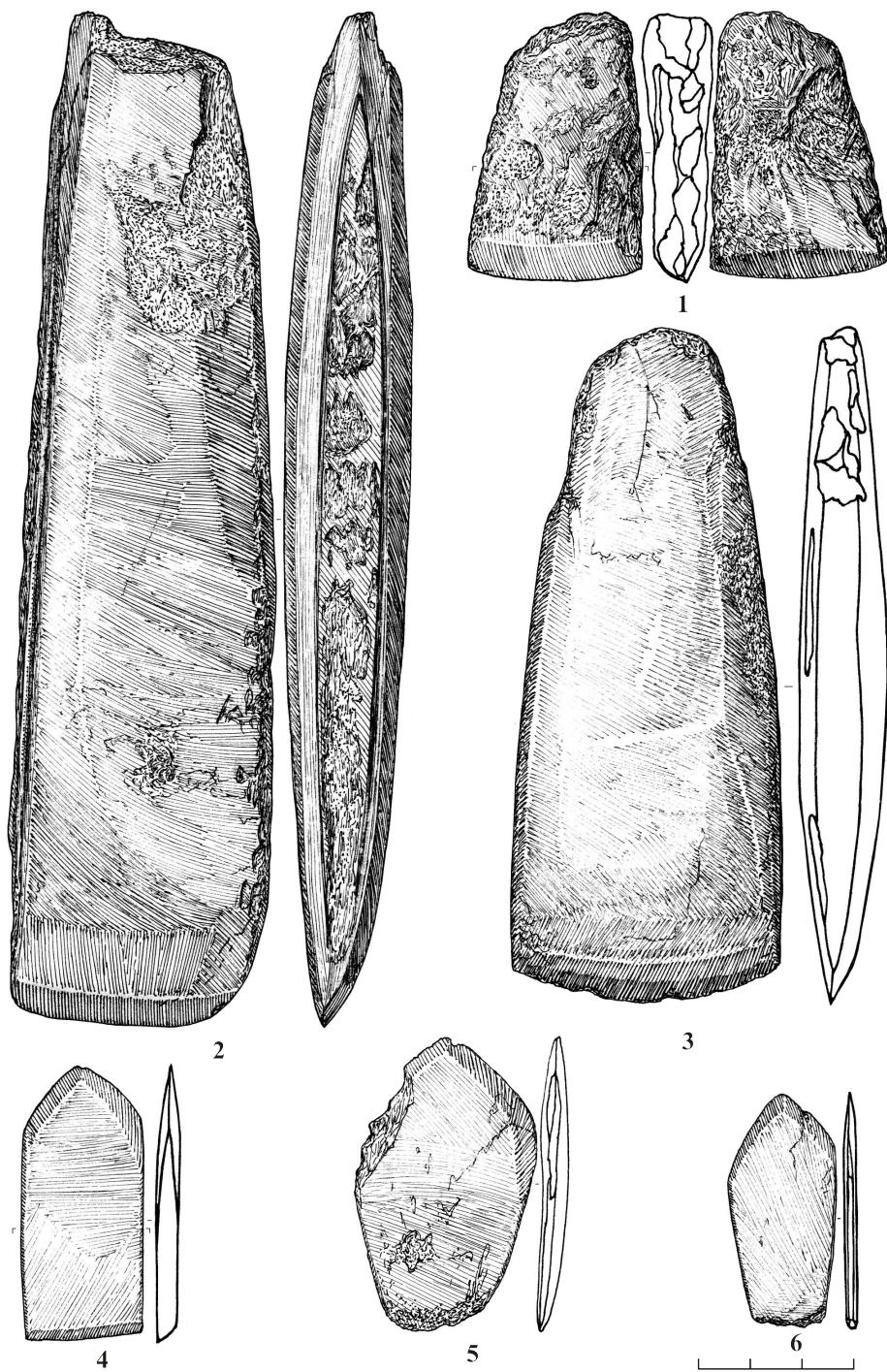

Рис. 6. Археологический материал:
1–3 – тесла (зеленый нефрит); 4 – треугольный нож (белый нефрит);
5, 6 – треугольные ножи (зеленый нефрит)

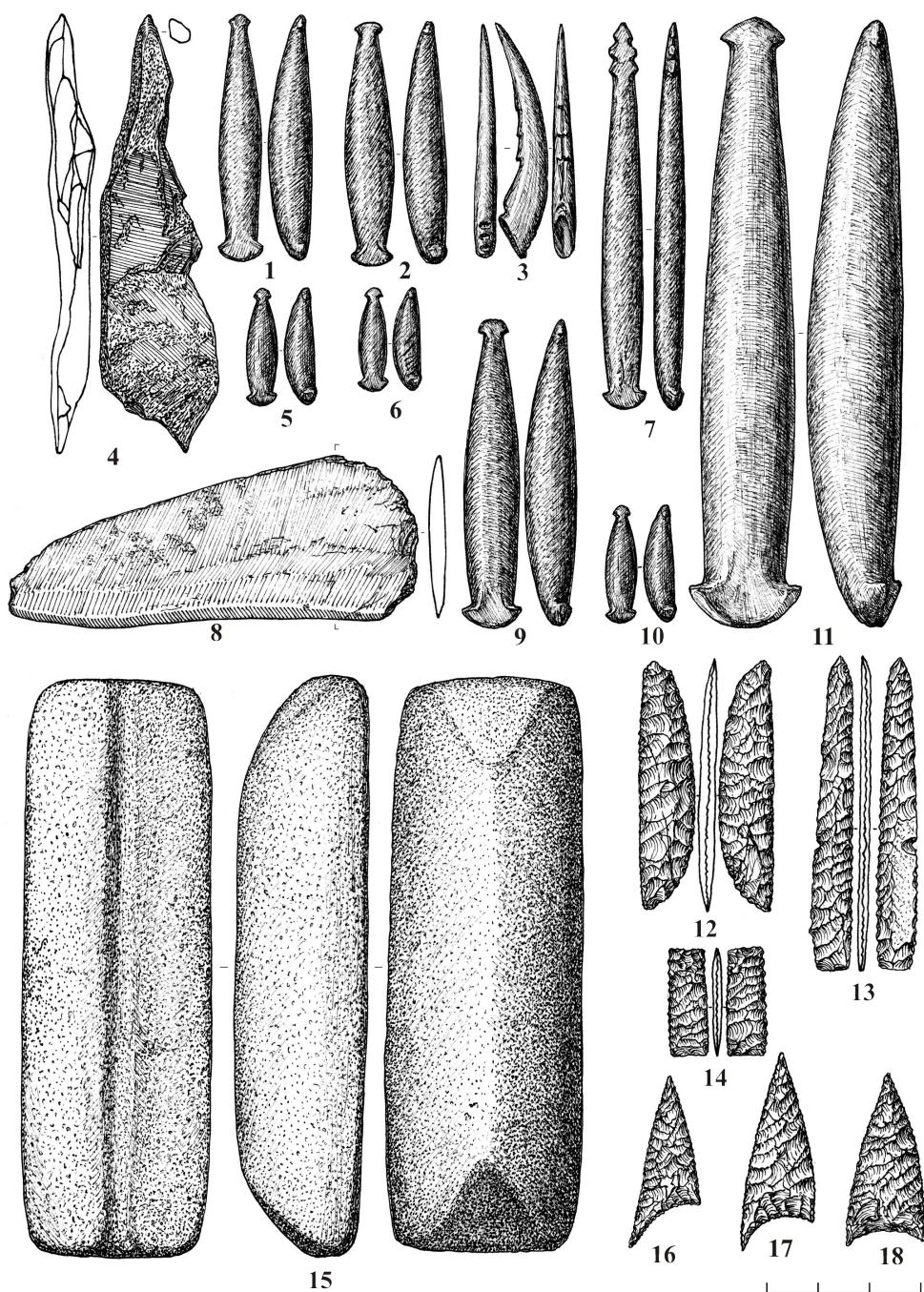

Рис. 7. Археологический материал:

1, 2, 5–7, 9–11 – стержни составных рыболовных крючков (талькит, сланец); 3 – жало составного рыболовного крючка (клык кабарги); 4, 8 – проколка, пластинчатый нож (зеленый нефрит); 12–14 – вкладышевые лезвия (окремненный аргиллит); 15 – абразив (выпрямитель древков стрел) (песчаник); 16–18 – наконечники стрел (кремень)

Плоский остроконечник. Сохранившаяся часть орудия с обеих сторон гладкая, оформлена с помощью шлифования. Стороны в сечении слабо овально-выпуклые с максимальным утолщением орудия в области сагиттальной линии. На одной стороне по центру проявляется ребро, от которого поверхность в виде двух граней скосена к острым краям. Концы фрагмента имеют свежие сломы. Острье и основание на вскрытой площади не обнаружены. Выполнен из темно-зеленого нефрита. Ширина остроконечника – 5,3 см, толщина – 0,83 см. Длина сохранившегося фрагмента – 5,8 см.

Кроме изделий из нефрита на раскопанных площадях обнаружены серии орудий, заготовок и сырья из широко используемых пород камня.

Наконечники стрел (43 экз.). Все изделия подтреугольной формы, с овально-вогнутой базой и овально-выпуклыми краями. Наконечники оформлены фасетками отжимной, плоской, по краям приостряющей, контридиагональной бифасиальной ретуши. Жало большинства наконечников точечное. По признакам, определяющим форму изделий в плане, они подразделяются на два вида. Первый (12 экз.) представлен симметричными в плане формами со слабо вогнутым контуром линии насада (рис. 7, 18). Второй вид (31 экз.) включает асимметричные в плане формы с вогнутым контуром линии насада, меньшей по сравнению с изделиями первого вида выпуклостью краев и более узкой, относительно длины наконечника, базой (рис. 7, 16, 17). Все изделия выполнены из кремня, сливного кварцита и окремненного аргиллита. Коллекция состоит из 38 целых орудий и 5 фрагментов. Длина наконечников варьирует в пределах 4–1,5 см, ширина – 1,5–0,9 см, толщина – 0,2 см.

Стержни составных рыболовных крючков китайского типа (41 экз.). В плане изделия имеют форму стилизованных рыбок. За исключением двух экземпляров морфологические признаки всех остальных изделий идентичны. Круглые в сечении стержни на концах завершаются полуовальными расширениями (головками). На узком конце стержня боковыми врезками оформлена головка крепления лесы (проксимальный конец), на утолщенном конце – головка крепления жала с боковыми выступами-плечиками (дистальный конец). Головка крепления жала снабжена фронтальной площадкой для соединения с основанием kostяной составляющей крючка. В профиле контур изделий с фронтальной стороны (с площадки) прямой, с тыльной стороны – овально-выпуклый. Поверхность всех изделий на 100 % оформлена с помощью шлифования. Два стерженька отличаются фигурным оформлением проксимального конца. Эти изделия имеют более узкие пропорции. В составе коллекции 3 крупных стержня, 14 изделий средних размеров и 24 – мелких. Стержни крупных и средних размеров выполнены из сланцевых пород и аргиллита, мелкие – из розового талька. Длина крупных стержней варьирует в пределах 11,9–10,4 см, толщина тела – 1,9–1,4 см; длина стержней средних размеров – 8,1–4,1 см, толщина – 1,1–0,8 см; длина стержней мелких размеров – 2–1,5 см, толщина – 0,65–0,5 см (рис. 7, 1, 2, 5–7, 9–11). Рассмотренные стержни по морфологическим признакам аналогичны соответствующим изделиям из сопроводительного инвентаря раннеолитических могил ангарской группы – могильников Локомотив, Китайский, Усть-Белая [Вятковский, 1881, 1882; Георгиевская, 1989; Базалийский, 2012].

Абразив («выпрямитель древков стрел») выполнен в виде двух отдельных брусков прямоугольной в плане формы. Большинство подобных орудий представлено в виде двух полуцилиндров, но сечение каждого из рассматриваемых брусков подтреугольное, а при составлении – ромбовидное. Составляющиеся стороны плоские с продольными сквозными желобками-проточками по центру. Тыльные стороны в сечении образуют треугольник с продольным ребром по центру, от которого к краям отдельно опускаются две слабовыпуклые грани. На концах центральное ребро раздваивается по направлениям к угловым сечениям краев. При совмещении плоских сторон желобки образуют длинное сквозное отверстие – основной рабочий элемент данного вида абразивов. Бруски-половинки выполнены из среднезернистого песчаника. Длина брусков – 11 см, ширина – 3,7 см, общая толщина орудия (двух составляющих) – 5 см, ширина желобка – 0,9 см, глубина желобка – 0,4 см (рис. 7, 15).

Кроме описанных предметов из камня в раскопах зафиксированы: 9 скребков, среди которых один дисковидный, выполненный на плоской кварцитовой плитке; 3 бифасиально оформленных вкладышевых лезвия из окременного аргиллита (рис. 7, 12–14); 12 абразивов из песчаников разной зернистости; скребловидно-тесловидное орудие из кварцита; круглый в сечении пест, изготовленный из долерита; слабо заостренный стержень (острие?) из сланца; 3 фрагмента орудий на плитках (пластинах?) окременного аргиллита; 24 фрагмента плиток (пластиин?) окременного аргиллита без следов механического воздействия; 11 отдельностей розового талька с негативами выпиленных фрагментов (заготовок); 3 резца и 3 сверла, выполненные на сколах кремня, сливного кварцита, окременного аргиллита и роговика; 54 скола, в основном для оформления орудий, размерами 1–5 см; одна остаточная форма нуклеуса с замкнутым по периметру округлым фронтом скальвания; 2 фрагмента гематита с потертостями поверхности; 127 речных галек без следов механического воздействия, овальных и удлиненно-овальных форм.

Предметы из кости и рога. К сожалению, в нетронутом виде целыми, как отмечено выше, сохранилось всего 15 изделий. В лабораторных условиях удалось полностью или частично апплицировать 3 игольника, 6 подвесок из расщепленных клыков кабана, лощило, стержень с навершием в виде головы медведя (жезл?), изделие из лопатки лося.

Зубчатые острия (13 экз.). В составе коллекции 3 целых и 10 фрагментов орудий. По оформлению базы зубчатые острия подразделяются на гарпуны и остроги. База гарпиона снабжена стопор-линьем. У остроги элемент конструкции стопор-линь отсутствует.

Гарпуны представлены целым наконечником и 4 фрагментами объемных баз. Целый гарпун однозубцовый. Острие с одной стороны оформлено в контуре зубца и с противоположной – посредством косого плоского среза дистальной части ствола. База состоит из длинной шейки, стопор-линя, выполненного в виде бокового выступа-полукольца, обводящего сквозное круглое биконическое отверстие, и насада цилиндрической формы с затупленным концом. Выступ стопор-линя расположен на боку ствола, противоположном зубцу (рис. 8, 1).

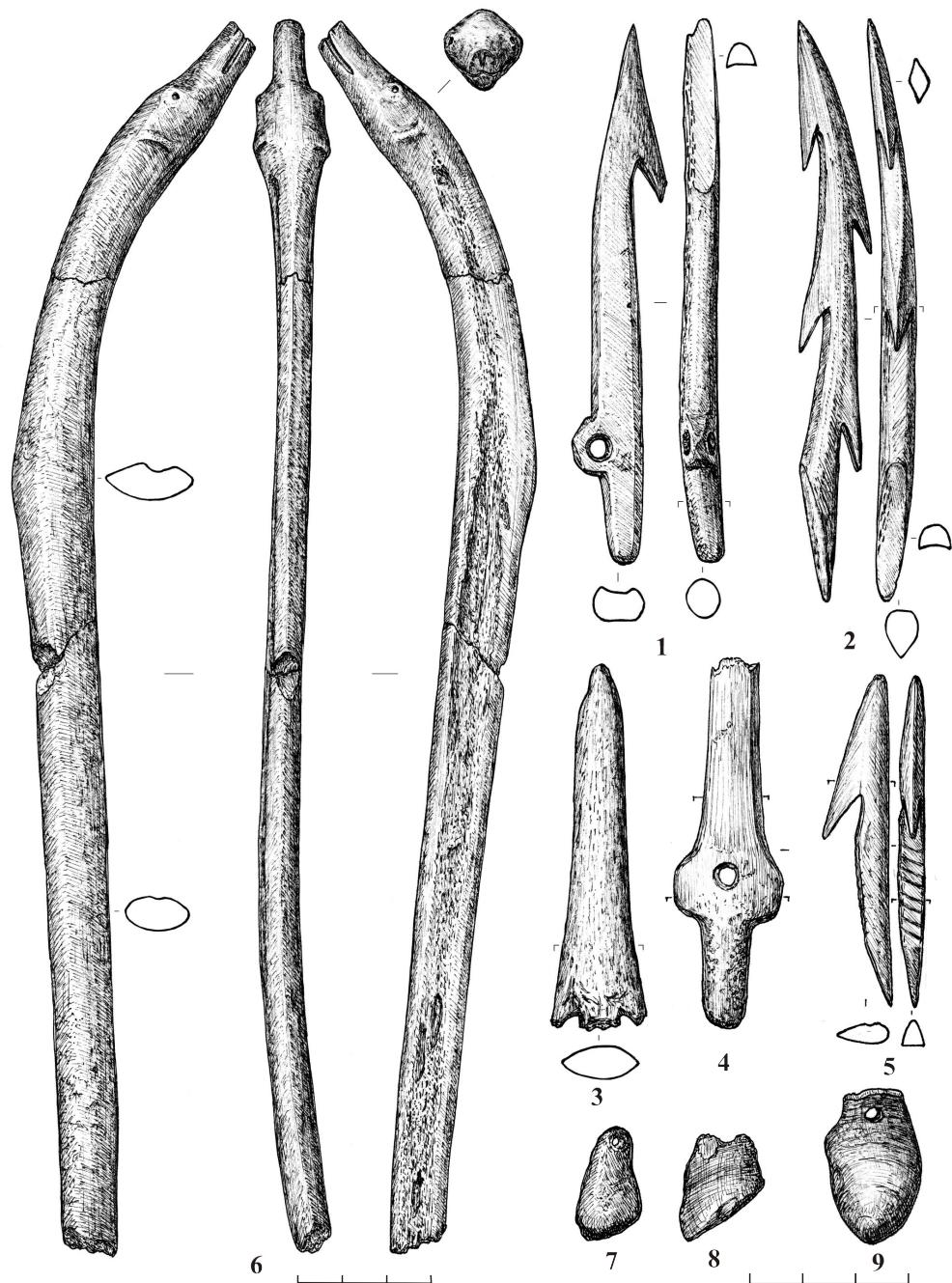

Рис. 8. Археологический материал.
 1 – гарпун (рог); 2, 5 – остроги (рог); 3, 4 – фрагменты гарпунов (рог);
 6 – «жезл» со скульптурным изображением головы медведя (рог);
 7–9 – подвески (клык марала)

Фрагменты двух гарпунов, представленных базами, аналогичны базе описанного выше целого изделия. На стволе одного из этих фрагментов присутствует также проксимальный (нижний) зубец. Стопор-линь двух остальных фрагментов гарпунов оформлен сочетанием двух симметрично расположенных боковых выступов и сквозного круглого отверстия (рис. 8, 4). Подобное исполнение стопор-линя характерно для двусторонних гарпунов с симметричным расположением зубцов и длинным острием-клином с заостренными боковыми краями. Острие такого гарпуна зафиксировано в раскопе I (рис. 8, 3).

Наконечники острог представлены 2 изделиями с одним и четырьмя зубцами. Острие однозубцовового наконечника остроги оформлено в контуре зубца, жало – точечное. Контур противоположного зубцу края слабо-вогнутый. Насад острый, в сечении – треугольной формы. На плоскую поверхность насада, ниже зубца, нанесено шесть косых врезных линий. Длина однозубцовового наконечника остроги – 6,3 см, толщина – 0,55 см (рис. 8, 5). Второй наконечник – двусторонний с асимметричным расположением зубцов. В профиле – слабо овальноизогнут. Острие оформлено в контуре последнего зубца, четырехгранное, в сечении ромбовидной формы, жало точечное. Насад острый, оформлен длинным косым плоским срезом от края. Изделие выполнено из рога. Длина наконечника остроги – 11 см, толщина – 0,6 см (рис. 8, 2).

Фрагменты зубчатых острий, которые в связи с отсутствием базы (насада) невозможно отнести ни к гарпунам, ни к острогам, состоят из выполненных из рога двух медиальных и двух дистальных (концевых) сегментов двусторонних изделий с асимметричным расположением зубцов. Морфологические показатели изделий находят больше соответствий в аналогичных изделиях могильника Шаманка II, чем в материалах ангарских раннеолитических могильников.

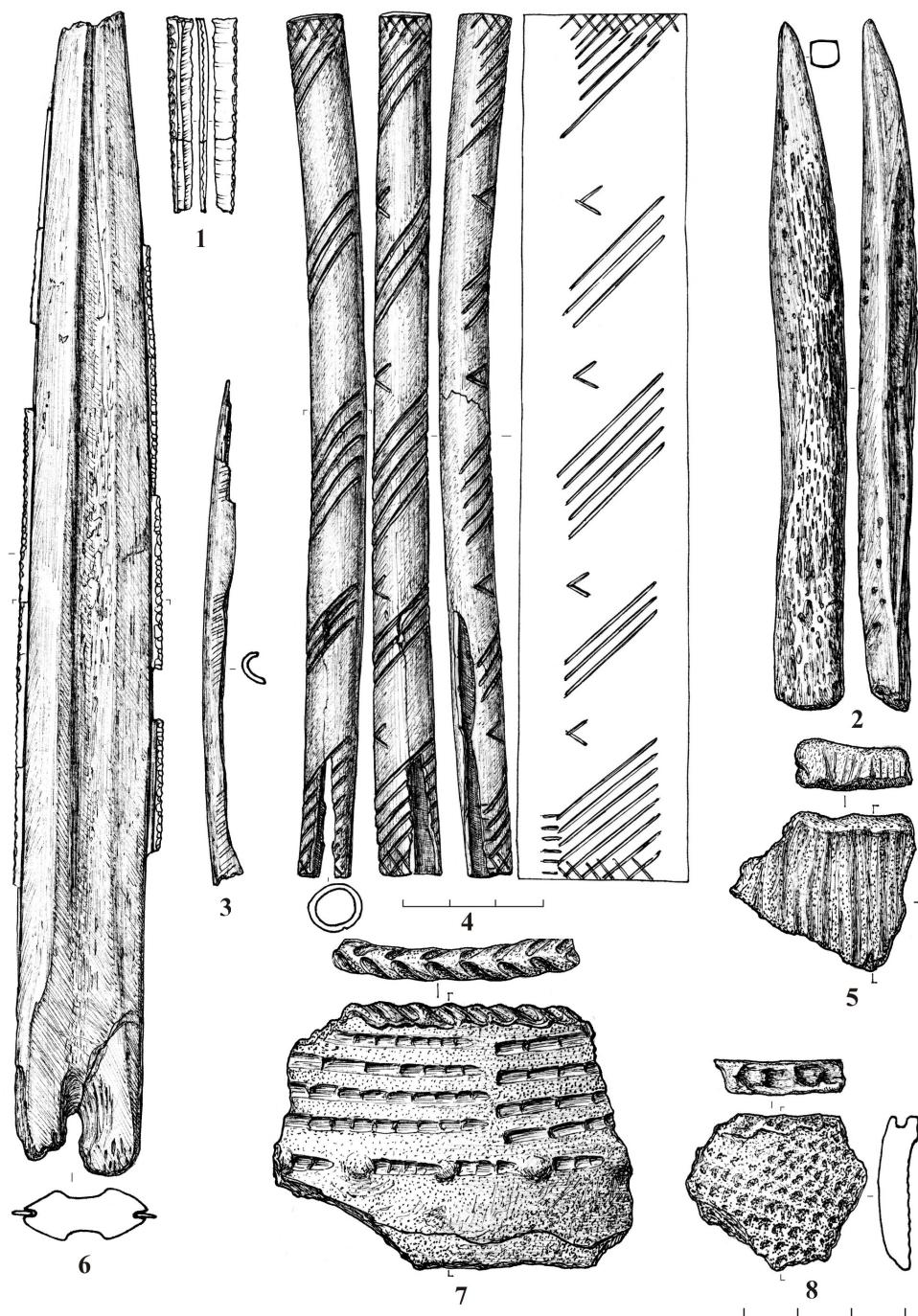
Игольники (3 экз.). Выполнены из бедренных костей лебединых. Эпифизы костей удалены посредством поперечного распила. Судя по блеску поверхности, кости подвергались полировке. Два игольника идентично орнаментированы по телу группами параллельных косых врезных линий. В центре орнаментальной композиции группа из 5 линий, далее с двух сторон от нее – две группы по 3 линии и на каждом конце группы – по 8 линий (всего пять групп). Между группами нанесены четыре поперечные короткие врезные V-образные вставки. Длина линий – 2,4–2,5 см. На концах от края срезов прочерчены по 6 коротких линий под прямым углом, пересекающихся с длинными, образуя, таким образом, локальный X-образный орнамент, сопряженный с линейным. Кроме этого, на концах игольников к косым линиям добавлены колонки, состоящие из коротких поперечных линий – 4–6 в каждой колонке. Игольники были фрагментированы, но на 80 % их удалось восстановить. Иглы внутри и в зоне локализации фрагментов отсутствовали. Длина изделий – 18,2 см, диаметр – 1,2 см (рис. 9, 4). Поверхность третьего игольника (также фрагментированного) гладкая, без орнамента. Внутри находилась целая игла с ушком, проксимальный фрагмент с ушком второй иглы и дистальный фрагмент третьей. Длина игольника – 17,2 см, диаметр – 1,05 см, длина целой иглы – 6,2 см, диаметр – 0,11 см.

Тесловидные орудия из рога (2 экз.). Орудия массивные, оформлены на пластинах из распиленных вдоль рогов оленых. Форма изделий определяется

естественной изогнутостью исходного материала, в плане – дугообразно изогнутая. Компакта из заготовок не удалась. Спинкой орудий с овально-выпуклым контуром сечения является бороздчатая внешняя поверхность рога, брюшком – компакта и торцы срезов стенки заготовки. В сечении контур этого конструктивного элемента – прямой. В профиле спинка прямая, брюшко овально скошено к лезвию. Контур лезвий – асимметрично овально-выпуклый. Лезвия заточены абразивными инструментами со стороны компакты (с брюшка). На спинке одного из изделий в зоне лезвия отмечена подработка абразивным инструментом (приострение). Обушок одного орудия притуплен поперечным срезом, второго – обломан. Длина одного орудия – 25 см, ширина – 4,9 см, толщина – 2,2 см. Длина второго орудия – 22,5 см, ширина – 5,3 см, толщина – 2,3 см.

Желобчатые острия (2 экз.). Г. М. Георгиевская называла эти изделия «совкообразными остриями» [1989, с. 117]. Представлены целым орудием и фрагментом основания. Изделия выполнены из распиленных или расщепленных вдоль половинок метаподий оленых. Одна сторона полностью сохранившегося орудия овально-выпуклая, вторая – овально-вогнутая. Дистальный конец орудия заострен. Края в дистальной части в результате шлифования овально скошены к заостренному концу. Основание широкое, оформлено в зоне кровеносного отверстия кости, завершается перпендикулярным сагиттальной линии срезом. Края слегка слабо овально скошены к проксимальному концу. Выполнено с помощью шлифования и последующей полировки. Длина орудия – 25 см, ширина – 3,9 см, толщина стенки – 0,75 см. Фрагмент представлен основанием аналогичного орудия.

Предмет мелкой пластики – «жезл». Состоит из стержня со скульптурным изображением головы медведя на конце. Длинный, овальный в сечении стержень вырезан из стенки рога оленых. Интенсивно окрашенная охрой голова медведя оформлена в овально-изогнутой концевой части рога. Изображение головы животного выполнено в удлиненных пропорциях, в стиле ранненеолитических голов лосей. Моделировка головы отличается отточенностью линий, тщательно отшлифована с последующей полировкой. В плане пасть животного удлинена, в сечении округлая. Закрытая пасть показана глубокими длинными продольными линейными врезками с двух сторон. Носовая часть обозначена на торце пасти, над верхней губой – V-образной врезкой. Глаза оформлены в виде поперечных выступов-наплыпов с округлыми ямками справа и слева от пасти. Уши выполнены в тыльной части головы также в виде поперечных узких выступов-наплыпов. Загривок показан продольным длинным овальным, слабо заостренным в виде гребня выступом, заканчивающимся в зоне перехода изогнутости в прямой стержень. Проксимальный конец стержня отломан и на вскрытой площади не обнаружен. Длина сохранившейся части «жезла» – 28 см, ширина – 1,4 см, толщина – 0,8 см. Длина скульптурного изображения головы медведя от носа и до перехода загривка в стержень – 12,2 см, длина головы медведя до загривка – 4,4 см, длина морды – 1,9 см, толщина головы – 1,5 см, диаметр морды – 1 см, длина линейной врезки, обозначающей рот, – 1,2 см (рис. 8, 6).

Rис. 9. Археологический материал.
1 – вкладышевое лезвие (кремень); **2** – острье (рог); **3** – фрагмент
орнаментированного изделия из кости; **4** – игольник (кость птицы); **5**, **7**, **8** – фрагменты
керамики; **6** – составной вкладышевый клинок (кость, кремень)

Изделие из лопатки марала. Для оформления орудия использована в полном объеме лопатка марала – шейка и лопасть. Основанием служит шейка со срезанной выступающей гранью (акромионом) и частью суставной ямки. Серединная грань (остъ) лопасти удалена до обнажения губчатой ткани. Проксимальный край слабо заострен. В центре орудия просверлено круглое сквозное отверстие диаметром 0,8 см. На дорсальной поверхности правой и левой стороны проксимального края лопасти от кромки нанесены 11 продольных линий (на сохранившейся части) с интервалом 0,3–0,5 см и промежутком в центре. Длина линий правой стороны – 2 см, левой – 4–5 см. Длина орудия – 35,9 см, ширина лопасти – 16 см, ширина основания в зоне суставной ямки – 3,9 см, толщина основания – 1,9 см, толщина дистальной кромки лопасти – 0,13 см.

Коллекция предметов из кости и рога также включает: жало к составному рыболовному крючку из клыка кабарги (рис. 7, 3); острие из рога длиной 12,8 см (рис. 9, 2); 13 крупных фрагментов подвесок из расщепленных клыков кабана; подвески из клыков марала плохой сохранности (рис. 8, 7–9); 19 клыков кабарги; фрагменты резцов тарбагана; 3 крупных орудия из расщепленных вдоль трубчатых костей млекопитающих; 3 крупных фрагмента рогов оленевых; один фрагмент плоского острия из рога; фрагменты стержневидных, круглых в сечении, изделий; фрагмент орнаментированного изделия из трубчатой кости птицы (рис. 9, 3); фрагменты одно- и двухпазовых обойм составных вкладышевых орудий; составной вкладышевый клинок, состоящий из двухпазовой обоймы и лезвий, оформленных на призматических пластинах (рис. 9, 1, 6); фрагмент двухпазового составного вкладышевого клинка; множество неопределенных фрагментов орудий из костей млекопитающих и птиц.

Обсуждение

В связи с полным разрушением могильника Моты – Новая Шаманка неизвестно количество могил и число погребенных индивидуумов, невозможно определить пространственное расположение погребальных комплексов, уровень закладки, линейные параметры и форму могильных ям в плане и профиле. Невозможно установить конструкцию и заполнение могильных ям, положение и ориентировку погребенных, количество индивидуумов в могилах, места дислокации предметов сопроводительного инвентаря. Уничтожены также свидетельства сохранности погребальных комплексов, наличия на территории могильника ритуальных и других объектов, относящихся к погребальному обряду.

В результате археологических работ удалось установить точное местонахождение могильника, определить отдельные элементы погребального обряда, получить палеоантропологический и археологический материал в значительном объеме, что позволило определить возраст и культурную принадлежность разрушенных погребальных комплексов.

Могильник расположен на невысоком бугре, возвышающемся над обширной болотистой равниной в приустьевой зоне правобережного притока р. Иркут. В половодье равнина периодически затапливается и бугор превращался в остров. В почти аналогичной геоморфологической ситуации организован широко известный Китайский могильник. Группы погребальных комплек-

сов этого могильника располагались на дюнообразных возвышениях среди обширной, местами болотистой равнины, расчлененной многочисленными сухими руслами проток и стариц [Витковский, 1881; Окладников, 1950]. В сходной ситуации находились погребения могильника Турука, локализованные на полоске 10-метровой террасы правого берега р. Лены, возвышающейся над обширной высокой поймой, расчлененной протоками и старицами с западной и северной стороны [Базалийский, Инёшин, 1995]. Хотелось бы также отметить, что большинство могильников и отдельных захоронений раннего неолита Байкальского региона располагались на холмах и буграх, локализованных в зонах обширных болотистых равнин.

Отсутствие камней на вскрытой площади в перемещенной толще геологических образований свидетельствует о том, что в обряде захоронений могильника Моты – Новая Шаманка не сооружались надмогильные кладки и внутреннее пространство ям (перекрытие погребения, обкладка плитами стенок ямы и др. конструкции) не заполнялось камнями. Надмогильные и внутримогильные сооружения отсутствуют (за отдельными исключениями) в ранненеолитических могильниках, относящихся к китайской традиции погребений, локализованных в Верхнем Приангарье и на южном побережье оз. Байкал, – Локомотив, Китайский могильник, Усть-Белая, Шаманка II [Базалийский, 2012].

Окрашенные человеческие кости, обширные красные пятна, многочисленные окрашенные предметы, фрагменты гематита с потертостями поверхности свидетельствуют об интенсивном использовании охры в погребальном обряде могильника Моты – Новая Шаманка. Судя по обилию охры в обоих раскопах, днища могильных ям и погребения были полностью и обильно окрашены кровавиком. Применение красной охры в погребальных обрядах Прибайкалья известно еще с древнекаменного века, с верхнего палеолита – на местонахождении Мальта было окрашено охрой детское погребение [Герасимов, 1931]. В известных погребениях докитайского времени Байкальской Сибири, относящихся к хронологическому периоду 8–7 тыс. л. н., использование охры чаще отмечено на уровне погребений в виде локальных пятен (хиньская традиция погребений), реже – в виде отдельностей гематита (кровавика) (могильник Щукино) и в отдельных случаях фиксируется полная окраска погребения и dna ямы (могила на Кайской горе) [Окладников, 1950; Аксенов, 1982; Казанцев, Хороших, 1958; Базалийский, 2012]. Сплошная засыпка охрой большинства погребений маркирует могилы ранненеолитического периода (7–6 тыс. л. н.), прежде всего на юге Байкальского региона – в верхнем течении рек Ангара и Лена, в нижнем течении р. Селенги, на Южном Байкале, в Еравнинской котловине, частично в Приольхонье [Витковский, 1881, 1882; Окладников, 1974; Герасимов, 1955; Герасимов, Черных, 1975; Конопацкий, 1982; Георгиевская, 1989; Ивашина, 2006; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008; Туркин, Харинский, 2004].

Начало использования нефрита в качестве поделочного сырья относится к раннему неолиту. Нефрит – очень вязкая порода, с трудом поддающаяся раскалыванию и расщеплению, но легко распиливается и шлифуется. В долине р. Иркут нефрит отсутствует. Коренные месторождения этой породы находятся в высокогорной части Восточного Саяна, в верховье междуречья рек Китой и

Онот. Обращает внимание необычно большое количество предметов из нефрита в материалах могильника Моты – Новая Шаманка, зафиксированных на не большой в целом вскрытой площади. Для сравнения: в 24 погребальных комплексах, раскопанных Н. И. Витковским в 1880–1881 гг. на Китайском могильнике, обнаружено 38 предметов, а в 93 комплексах могильника Шаманка II (раскопки 2000–2007 гг.) – 43 [Витковский, 1882; Базалийский, Секерин, Вебер, 2007; Секерин, Секерина, 2000]. Морфологические признаки рубящих орудий, пластинчатых и треугольных ножей из могильника Моты – Новая Шаманка соответствуют признакам аналогичных изделий из могильников китайской традиции погребений юго-восточного Прибайкалья. Изделия из светлоокрашенного, особенно молочно-белого, нефрита встречаются крайне редко. В сопроводительном инвентаре погребальных комплексов раннего неолита юга Байкальского региона к настоящему времени известны всего три орудия, выполненные из этой породы. Один треугольный нож из белого нефрита обнаружен в могиле № 4, раскопанной в 1948 г. на могильнике Локомотив, и второй аналогичный нож описан выше в материалах рассматриваемого могильника. Мини-тесло из светлоокрашенного, белого с зеленоватым оттенком, нефрита отмечено в инвентаре могилы № 83 могильника Шаманка II [Окладников, 1950, с. 409; Окладников, 1974; Базалийский, Секерин, Вебер, 2007]. К уникальным орудиям могильника Моты – Новая Шаманка относится проколка (сверло?) из зеленого нефрита, аналоги которой пока не обнаружены.

Стержни составных рыболовных крючков китайского типа являются одним из основных таксонов раннего неолита Прибайкалья. Впервые они обнаружены в 1868 г. И. С. Поляковым в Тунке (долина среднего течения р. Иркут) на дюнных стоянках [Окладников, 1950, с. 366]. В настоящее время границы их ареала определяются: на севере – нижним течением Верхней Лены (могильник Турука) и Северным Байкалом (Лысая Сопка), на юге – долиной среднего течения р. Иркут (Тункинская долина), на востоке – восточным побережьем оз. Байкал (Посольская стоянка и побережье Чивыркуйского залива оз. Байкал, стоянка Катунь), на западе – низовьями р. Ангары (стоянка Усть-Караульная) [Базалийский, Инешин, 1995; Абдулов, Пилипчук, 1982; Номоконова, Горюнова, 2004; Хлобыстин, 1978; Макаров, 1985]. Эти изделия наиболее представительны в сопроводительном инвентаре погребальных комплексов китайской традиции погребений, где по численности занимают первую позицию (в отдельных захоронениях их количество превышает 100 ед.). В ранненеолитических могилах Приольхонья и Верхней Лены стержни составных рыболовных крючков встречаются только на отдельных местонахождениях и гораздо меньшей численностью. В культурных слоях стоянок эти стержни встречаются не очень часто, но являются важным хронологическим и культурным индикатором. В материалах могильника Моты – Новая Шаманка удельный вес данной категории изделий значительный, что позволяет рассматривать это местонахождение в системе ранненеолитических погребальных комплексов левоберегья Верхней Ангары.

К уникальным предметам древнего искусства в материалах могильника Моты – Новая Шаманка относится «жезл» с головой медведя. Начиная с эпохи

позднего мезолита (конец VII тыс. до н. э.) в изобразительном искусстве всей лесной полосы Евразии от Скандинавии до Дальнего Востока центральное место занимает образ лося. Этот образ проходит через все неолитическое искусство локальных центров, в каждом из них при этом сохраняя свое специфическое воплощение. В Байкальской Сибири лось – доминантный символ в искусстве малых форм, где трактовка его образа определяется изображением головы в удлиненных пропорциях и плавностью переходов в общей моделировке [Студзицкая, 1998]. Образ медведя же в искусстве малых форм Байкальского региона не получил широкого распространения. Исследователями выделяются две группы изображений медведя. В первую группу входят изделия, определяемые в качестве «жезлов», – изображения голов, венчающие разные предметы или являющиеся какой-либо частью, что подразумевает возможность их использования как в культовой, так и в хозяйственной практике – это стержни, острия, песты, топоры, молоты, ковши с ручками и др. Ко второй группе относятся изображения медведя в виде подвесок со сквозным отверстием, миниатюрных скульптурок-амулетов, употреблявшихся преимущественно в качестве предметов культа [Кириллова, 2007].

Найдка скульптурного изображения медведя в погребальных комплексах юго-востока Байкальского региона была ожидаема в связи с тем, что культ этого животного весьма ощутимо проявляется в обряде захоронений ряда ранне-неолитических могильников. В 35 комплексах могильника Шаманка II найдены медвежьи черепа, ветви нижних челюстей, клыки, коренные зубы, кости посткраниального скелета. В составе сопроводительного инвентаря этого могильника зафиксировано также 14 костей *ost penis* зверя. Множество костей, зубов и клыков медведя найдено также в пространстве между могилами [Базалийский, Вебер, 2008]. На могильнике Фофаново раскопан раннеолитический ритуальный комплекс № 2/2008 с фрагментированным черепом медведя и окрашенным охрой пятном [Жамбалтарова, 2013]. В небольшом количестве клыки и моляры медведя зафиксированы также в сопроводительном инвентаре могильника Локомотив [Базалийский, Савельев, 2008].

В раннем неолите Байкальского региона среди мобильных форм искусства сведения об изображениях медведя отсутствуют, за исключением упоминания вскользь П. П. Хороших о незаконченном изображении этого животного (со знаком вопроса), сделанного из жировика, в сопроводительном инвентаре могильника Локомотив (раскопки 1946–1950 гг.) [1966, с. 91]. К эпохе позднего неолита Прибайкалья относится подвеска в виде растянутой шкуры, предположительно медведя, выполненная на плоской плитке сланцевой породы из серовского могильника Сарминский Мыс [Горюнова, 1997]. Из района нижнего течения р. Ангары происходят каменные братский и сергушкинский «жезлы», выполненные в форме пестов с головой медведя. Братский «жезл» изначально был датирован А. П. Окладниковым серовским временем, но позднее на основании подобных находок в Туве и Монголии возраст этих предметов был омологжен [Окладников, 1950, с. 283; Герман, Леонтьев, 2012]. Кроме этого, в нижнем течении р. Ангары, в долине р. Илим, на стоянке у д. Березовской найдена скульптура медведя в сидячей позе, выполненная из рога лося [Ходукин, 1928]. Изображение датируется А. П. Окладниковым эпохой неолита [1950, с. 284].

Детализация медвежьей морды нижнеангарских скульптур близка к традициям западносибирской круглой скульптуры [Молодин, Октябрьская, Чемякина, 2000]. Эпохой ранней бронзы датируются четыре подвески в виде профильных фигурок из могильника Шумилиха (верхнее течение р. Ангара), определяющиеся автором раскопок О. И. Горюновой как сильно стилизованные изображения медведей. Подвески с одним сквозным отверстием в области спины выполнены из костей ветвей нижней челюсти козы в технике плоской резьбы [Горюнова, 2002, с. 8]. Подобные изображения встречены в Байкальском регионе впервые и аналогов не имеют. Рассмотренными выше данными исчерпываются сведения об образе медведя в мобильном искусстве малых форм Байкальского региона в эпоху неолита – бронзы.

Зооморфные и, реже, антропоморфные «жезлы» широко представлены в сопроводительном инвентаре могил китайской традиции погребений Байкальской Сибири – Усть-Белая, Локомотив, Шаманка II. В составе инвентаря могильника Усть-Белая имеется локально орнаментированное, трехгранное в сечении костяное острие длиной 22 см, завершающееся в верхней части головкой с сильно стилизованным изображением человеческого лица [Георгиевская, 1989, с. 85]. В материалах могильника Локомотив имеется плоский стержень с изображением на одном конце человеческого лица в округлом контуре и роговая ложка с длинным резервуаром и короткой рукоятью в виде скульптуры головы лося [Хороших, 1966, с. 87, рис. 4, 17; Студзицкая, 1998]. Наиболее разнообразная коллекция зооморфных «жезлов» зафиксирована в процессе раскопок могильника Шаманка II – две роговые ложки с рукоятью в виде скульптур голов лосей (резервуар одной ложки обломан), Г-образный стержень, загнутый конец которого оформлен в виде скульптурного изображения головы нерпы, два роговых стержня, завершающиеся стилизованными профильными изображениями голов лосей [Ранненеолитический комплекс …, 2006, с. 95; Базалийский, Вебер, 2004, с. 36, рис. 2, 8; 2005, с. 19, рис. 2, 1, 4; 2006, с. 14, рис. 2, 6]. Большинство отмеченных «жезлов» находилось в погребениях мужчин с «богатым» сопроводительным инвентарем. «Жезл» из могильника Моты – Новая Шаманка является наиболее длинным и массивным из всех известных на сегодняшний день на территории Прибайкалья. Кроме этого важно, что только скульптурное изображение головы на теле «жезла» интенсивно окрашено охрой, что подчеркивает особую сакральную составляющую этого предмета.

Иконография образов рассмотренных зооморфных «жезлов» показывает, что при общем доминировании лося почитались и другие животные, в числе которых были медведь и нерпа. «Жезл» с образом медведя является еще одним свидетельством проявления культа медведя в ритуале захоронений раннего неолита Юго-Восточного Прибайкалья, что в целом представляет большую редкость в погребальной практике мезолита и неолита Евразии.

Заключение

Как следует из обсуждения полученных в процессе раскопок материалов, могильник Моты – Новая Шаманка относится к раннему неолиту, что подтверждают полученные по пульпе коренных зубов человека из разрушенных погре-

бений ^{14}C -даты: 6870 ± 37 л. н. (OxA-33243) и 6797 ± 38 л. н. (OxA-33244) (без учета углеродного смещения). Неизвестна планиграфия могильника и общее количество погребальных комплексов, но, судя по количеству археологического и антропологического материала, выявленного в процессе раскопок, данное местонахождение по совокупным объемам находок, возможно, несравнимо с такими некрополями, как Локомотив или Шаманка II, но сопоставимо с могильниками Китайский и Усть-Белая. По сохранившимся обрядовым признакам и морфотипологическим показателям сопроводительного инвентаря могильник Моты – Новая Шаманка с небольшой долей условности (так как неизвестно положение костяков в могилах) следует отнести к китайской традиции погребений, включающей могильники Локомотив, Китайский, Усть-Белая, Шаманка II. Уникальным является географическое положение данного могильника. Все известные погребальные комплексы раннего неолита локализованы в долинах основных водотоков – рек Ангара, Лены и на побережье оз. Байкал. Могильник Моты – Новая Шаманка – пока единственное крупное местонахождение погребальных комплексов раннего неолита, расположенное в долине притока.

Изучение и введение в научный оборот новых данных о погребальном обряде еще одного могильника, относящегося к китайской традиции погребений, позволяет расширить наши представления о раннем неолите Байкальского региона. Совершенно очевидно, что для полноценной реконструкции погребального обряда, изучения древнего человека необходимы ненарушенные могильники и стоянки, поиск и сохранение которых при современной все более возрастающей интенсификации хозяйственной деятельности значительно затрудняется, поэтому на первый план должны выходить разведочные работы, охранные мероприятия, предваряющие хозяйственное освоение территорий, чтобы в будущем не повторилась ситуация, приведшая к уничтожению могильника Моты – Новая Шаманка.

Список литературы

- Абдулов Т. А.* Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале (по материалам 1979 г.) / Т. А. Абдулов, Н. П. Пилипчук // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 55–70.
- Аксенов М. П.* Погребение «хиньского» типа на Верхней Лене (Рытвинка I) / М. П. Аксенов // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 6–14.
- Базалийский В. И.* Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст / В. И. Базалийский // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2012. – Вып. 9. – С. 43–101.
- Базалийский В. И.* Погребальные комплексы эпохи раннего неолита на могильнике Шаманка II / В. И. Базалийский, А. В. Вебер // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 10, ч. 1 – С. 33–39.
- Базалийский В. И.* Раскопки погребальных комплексов эпохи раннего неолита на могильнике Шаманка II в 2005 году / В. И. Базалийский, А. В. Вебер // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. 11, ч. 1 – С. 16–21.

Базалийский В. И. Раскопки могильника Шаманка II в 2006 году / В. И. Базалийский, А. В. Вебер // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 12, ч. 1 – С. 11–16.

Базалийский В. И. Могильник Шаманка II в контексте погребальных ритуалов раннего неолита Байкальской Сибири / В. И. Базалийский, А. В. Вебер // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М. : ИА РАН, 2008. – Т. 1. – С. 182–186.

Базалийский В. И. Могильник Турука на верхней Лене / В. И. Базалийский, А. В. Инёшин // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 190–192.

Базалийский В. И. Могильник эпохи раннего неолита Локомотив / В. И. Базалийский, Н. А. Савельев // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 7–27.

Базалийский В. И. Вещественный состав и сырьевые источники сопроводительного инвентаря из камня по материалам могильника Шаманка II / В. И. Базалийский, А. П. Секерин, А. В. Вебер // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск : Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 36–42.

Витковский Н. И. Краткий отчет о раскопках могилы каменного периода в Иркутской губернии / Н. И. Витковский // Изв. / ВСОРГО. – Иркутск, 1881. – Т. 11, № 3–4. – С. 1–12.

Витковский Н. И. Отчет о раскопке могилы каменного века в Иркутской губернии, на левом берегу р. Ангары, произведенной летом 1881 г. / Н. И. Витковский // Изв. / ВСОРГО. – Иркутск, 1882. – Т. 13, № 1–2. – С. 1–36.

Георгиевская Г. М. Китайская культура Прибайкалья / Г. М. Георгиевская. – Новосибирск : Наука, 1989. – 152 с.

Герасимов М. М. Малъта. Палеолитическая стоянка: (Предварительные данные). Результат работ 1928/29 гг. / М. М. Герасимов. – Иркутск, 1931. – 18 с.

Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек) / М. М. Герасимов. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с.

Герасимов М. М. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. / М. М. Герасимов, Е. М. Черных // Первобытная археология Сибири. – Л. : Наука, 1975. – С. 23–48.

Герман П. В. Неолитическое святилище на острове Сергушкин в Северном Приангарье (результаты исследований 2010 г.) / П. В. Герман, С. Н. Леонтьев // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – Вып. 1. – С. 78–85.

Горюнова О. И. Серовские погребения Приольхонья / О. И. Горюнова. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 109 с.

Горюнова О. И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век) / О. И. Горюнова. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 2002. – 84 с.

Жамбалтарова Е. Д. Культ медведя у древнего населения Юго-Восточного Прибайкалья: интерпретация ранненеолитического объекта с черепом медведя Фофановского могильника / Е. Д. Жамбалтарова // Россия и АТР. – 2013. – № 3. – С. 142–151.

Ивашина Л. Г. О проблеме китайской культуры (к истории исследования проблемы) / Л. Г. Ивашина // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2006. – Вып. 4. – С. 9–14.

Казанцев А. И. Неолитические погребения в районе Ангарской гидроэлектростанции / А. И. Казанцев, П. П. Хороших // Зап. Иркут. краевед. обл. музея. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1958. – С. 43–50.

Кириллова Ю. В. Скульптурные изображения медведя эпохи неолита – бронзы (прагматический аспект) / Ю. В. Кириллова // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. – Барнаул : Азбука, 2007. – С. 25–27.

Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон) / А. К. Конопацкий. – Новосибирск : Наука, 1982. – 176 с.

Лбова Л. В. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры) / Л. В. Лбова, Е. Д. Жамбалтарова, В. П. Конев. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 248 с.

Макаров Н. П. К вопросу о контрольных связях древних племен Среднего Енисея и Нижней Ангары / Н. П. Макаров // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 96–98.

Молодин В. И. Образ медведя в пластике западносибирских аборигенов эпохи неолита и бронзы / В. И. Молодин, И. В. Октябрьская, М. А. Чемякина // Народы Сибири: история и культура. Медведь в древних и современных культурах Сибири. – Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 23–36.

Новые археологические объекты в Тункинской котловине (Байкальская рифтовая зона) / Н. Е. Бердникова, И. М. Бердников, Е. О. Роговской, А. А. Тимошенко, И. В. Уланов, Н. Б. Соколова, А. А. Попов, С. А. Когай // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – Вып. 3. – С. 19–41.

Номоконова Т. Ю. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь I (Чивыркуйский залив оз. Байкал) / Т. Ю. Номоконова, О. И. Горюнова // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2004. – Вып. 2. – С. 117–123.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1–2. – 411 с. – (МИА ; № 18).

Окладников А. П. Неолитические памятники Ангары / А. П. Окладников. – Новосибирск : Наука, 1974. – 317 с.

Песков С. А. Новые археологические объекты в долине реки Иркута / С. А. Песков // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 108–111.

Песков С. А. Новые археологические объекты в долине реки Иркута / С. А. Песков, В. В. Краснощеков // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2008. – Вып. 6. – С. 112–133.

Ранненеолитический комплекс погребений Шаманка II (по материалам раскопок 1998–2003 гг.) / В. И. Базалийский, А. Р. Ливерс, К. М. Хаверкорт, Д. В. Пежемский, А. А. Тютрин, Г. В. Туркин, А. В. Вебер // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2006. – Вып. 4. – С. 80–103.

Секерин А. П. Нефриты и их распространение в Южной Сибири / А. П. Секерин, Н. В. Секерина // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. – Вып. 2, ч. 1. – С. 146–160.

Студзицкая С. В. Мелкая пластика в неолите Прибайкалья: Изобразительные традиции / С. В. Студзицкая // Вестн. антропологии. – 1998. – Вып. 5. – С. 207–220.

Туркин Г. В. Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита-бронзового века на Южном Байкале / Г. В. Туркин, А. В. Харинский // Изв. Лаборатории древних технологий. – Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2004. – Вып. 2. – С. 124–158.

Хлобыстин Л. П. Возраст и соотношение неолитических культур Восточной Сибири / Л. П. Хлобыстин // КСИА. – 1978. – Вып. 153. – С. 93–99.

Ходукин Я. Н. Материалы к археологии реки Иlima / Я. Н. Ходукин // Изв. ВСОРГО. – 1928. – Т. 53. – С. 115–123.

Хороших П. П. По пещерам Прибайкалья: (Экскурсии в пещеры Прибайкалья) / П. П. Хороших. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1955. – 72 с.

Хороших П. П. Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в г. Иркутске / П. П. Хороших // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск : Наука, 1966. – С. 84–93.

The Moty – Novaya Shamanka Early Neolithic Cemetery in the Irkut River Valley

V. I. Bazaliiskii

Irkutsk State University

S. A. Peskov

Center for Historic and Cultural Heritage Preservation of Irkutsk Region

A. A. Shchetnikov

Institute of the Earth's Crust SB RAS

A. A. Tyutrin

Lyceum no. 1, Irkutsk

Abstract. This article presents the results of a scientific investigation of Moty – Novaya Shamanka Early Neolithic cemetery which has been destroyed recently in consequence of anthropogenic activities in the lower Irkut river valley. The cemetery was located on the right bank of the Irkut river on a low hillock of a dune. The geological formations of the hillock and its burial complexes had been translocated by a bulldozer in 1991–2005 because of delimitation of the area of 3000 square meters for a farmstead. The archaeological excavations were carried out in the area of 107 square meters. A large quantity of destroyed human bones dyed by ochre was registered in the layer of resedimented geological deposits in a thickness of 1 meter, as well as grave goods made of nephrite and other kinds of rock and fragments of bone objects. The whole collection includes 15 nephrite adzes, 5 knives of green and white nephrite, 43 stone arrowheads, several abrasive tools, 41 stone shanks – elements of composite fishhooks of the Kitoi variant. The collection also contains several blades of composite insert tools, as well as chopping tools and fragments of bone harpoons, and fragments of varied bone and horn tips. Decorations are presented with pendants made of wild boars' split fangs and of maral (Siberian red deer) fangs. There is a unique item – the “wand”, which has a finial in a form of a head of a bear. The Moty – Novaya Shamanka cemetery belongs to Kitoi tradition of burials of Early Neolithic in the Baikal region. This has been verified by the obtained ^{14}C date – 6870±37 B.P. (OxA-33243). The planigraphy of the cemetery and a total amount of burial complexes are unknown. Regarding the amount of the archaeological finds, the site is comparable with the Kitoi and Ust-Belaya cemeteries. This site is the only cemetery located in the valley of a tributary. All of other known cemeteries are located in the valleys of the main rivers - Angara and Lena, as well as on the coast of the Lake Baikal.

Keywords: Baikal region, cemetery, Early Neolithic, burial, grave goods, «the wand», bear, composite fishhook, nephrite.

References

Abdulov T. A., Pilipchuk N. P. Poselenie Lysaya Sopka na Severnom Baikale (po materialam 1979 g.) [Lysaya Sopka settlement in the Northern Baikal region (on materials of 1979)]. *Materialnaya kultura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri* [Material culture of the ancient population of Eastern Siberia]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1982, pp. 55–70. (In Russ.)

Aksenov M. P. Pogrebenie «khinskogo» tipa na Verkhnei Lene (Rytvinka I) [The burial of "Khin" type on the Upper Lena River (Rytvinka 1 site)]. *Materialnaya kultura drevnego*

naseleниya Vostochnoi Sibiri [Material culture of the ancient population of Eastern Siberia]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1982, pp. 6–14. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I. Pogrebalnye kompleksy epokhi pozdnego mezolita – neolita Baikalskoi Sibiri: traditsii pogrebenii, absolyutnyi vozrast [Burial complexes of the era of Late Mesolithic – Neolithic of Baikal Siberia: traditions of burials, absolute age]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*. Irkutsk, ISTU Publ., 2012, Is. 9, pp. 43–101. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Weber A. V. Pogrebalnye kompleksy epokhi rannego neolita na mogilnike Shamanka II [Burial complexes of the Early Neolithic in Shamanka 2 burial ground]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]*. 2004, Vol. 10, Is. 1, pp. 33–39. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Weber A. V. Raskopki pogrebalnykh kompleksov epokhi rannego neolita na mogilnike Shamanka II v 2005 godu [Excavations of burial complexes of the Early Neolithic in Shamanka II burial ground in 2005]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2005, Vol. 11, Is. 1, pp. 16–21. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Weber A. V. Raskopki mogilnika Shamanka II v 2006 godu [Excavations of Shamanka II burial ground in 2006]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredelnykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]*. 2006, Vol. 12, Is. 1, pp. 11–16. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Weber A. V. Mogilnik Shamanka II v kontekste pogrebalnykh ritualov rannego neolita Baikalskoi Sibiri [Shamanka II burial ground in the context of funerary rituals in the Early Neolithic of the Baikal Siberia]. *Trudy 2 (18) Vserossiiskogo arkheologicheskogo siezda v Suzdale [Writings of 2 (18) All-Russian archaeological Congress in Suzdal]*. Moscow, IA RAS Publ., 2008, Vol. 1, pp. 182–186. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Ineshin A. V. Mogilnik Turuka na verkhnei Lene [Turuka burial ground on the Upper Lena River]. *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dalnego Vostoka v 1993 godu [A review of the results of field and laboratory research of archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and Far East in 1993]*. 1995, pp. 190–192. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Saveliev N. A. Mogilnik epokhi rannego neolita Lokomotiv [Lokomotiv burial ground of the Early Neolithic]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*. Irkutsk, ISTU Publ., 2008, Is. 6, pp. 7–27. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Sekerin A. P., Weber A. V. Veshchestvennyi sostav i syrievye istochniki sопроводительного инвентаря из камня по материалам могильника Shamanka 2 [Material composition and the sources of raw materials of grave goods of stone on the materials of Shamanka 2 burial ground]. *Severnaya Evraziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya [Northern Eurasia in Anthropocene: Man, Paleotechnology, Geoecology, Ethnology and Anthropology]*. Irkutsk, Ottisk Publ., 2007, Vol. 1, pp. 36–42. (In Russ.)

Bazaliiskii V. I., Livers A. R., Khaverkort K. M., Pezhemskii D. V., Tyutrin A. A., Turkin G. V., Weber A. V. Ranneneoliticheskii kompleks pogrebenii Shamanka II (po materialam raskopok 1998–2003 gg.) [The Early Neolithic complex of burials of Shamanka II burial ground (on materials of excavations of 1998–2003)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*. Irkutsk, ISTU Publ., 2006, Is. 4, pp. 80–103. (In Russ.)

Berdnikova N. E., Berdnikov I. M., Rogovskoi E. O., Timoshchenko A. A., Ulanov I. V., Sokolova N. B., Popov A. A., Kogai S. A. Novye arkheologicheskie obiekty v

Tunkinskoi kotlovine (Baikalskaya riftovaya zona) [New archaeological sites in the Tunka basin (Baikal rift zone)]. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultury [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture]*. Irkutsk, ISU Publ., 2014, Is. 3, pp. 19–41. (In Russ.)

Georgievskaya G. M. *Kitoiskaya kultura Pribaikaliya [Kitoi culture of the Baikal region]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, 152 p. (In Russ.)

Gerasimov M. M. *Malta. Paleoliticheskaya stoyanka: (Predvaritelnye dannye). Rezulat rabot 1928/29 gg. [Malta. Paleolithic site: (Preliminary data). The result of 1928/29]*. Irkutsk, 1931, 18 p. (In Russ.)

Gerasimov M. M. *Vosstanovlenie litsa po cherepu (sovremennyi i iskopaemyi chelovek) [Facial reconstruction on the skull (modern and fossil man)]*. Moscow, AS USSR Publ., 1955, 585 p. (In Russ.)

Gerasimov M. M., Chernykh E. M. Raskopki Fofanovskogo mogilnika v 1959 g. [Excavations of Fofanova burial ground in 1959]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri [Prehistoric Archaeology of Siberia]*. Leningrad, Nauka Publ., 1975, pp. 23–48. (In Russ.)

German P. V., Leontiev S. N. Neoliticheskoe svyatishche na ostrove Sergushkin v Severnom Priangarie (rezulaty issledovanii 2010 g) [The Neolithic sanctuary on the Sergushkin Island in the North Angara region (the results of studies 2010)]. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kultury [Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, culture]*. Irkutsk, ISU Publ., 2012, Is. 1, pp. 78–85. (In Russ.)

Goriunova O. I. *Serovskie pogrebeniya Priolkhoniya [Serovo burial in the Olkhon area]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 1997, 109 p. (In Russ.)

Goryunova O. I. *Drevnie mogilniki Pribaikaliya (neolit – bronzovyj vek) [Ancient burial grounds of Cis-Baikal area (Neolithic – Bronze Age)]*. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2002, 84 p. (In Russ.)

Ivashina L. G. O probleme kitoiskoi kultury (k istorii issledovaniya problemy) [About the problem of the Kitoi culture (the history of the study of the problem)]. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*. Irkutsk, ISTU Publ., 2006, Is. 4, pp. 9–14. (In Russ.)

Kazantsev A. I., Khoroshikh P. P. Neoliticheskie pogrebeniya v raione Angarskoi gidroelektrostantsii [Neolithic burials in the area of Angara hydroelectric power station]. *Zapiski Irkutskogo kraevedcheskogo oblastnogo muzeya [Notes of Irkutsk regional Museum]*. Irkutsk, Irkutsk book Publ., 1958, pp. 43–50. (In Russ.)

Khlobystin L. P. Vozrast i sootnoshenie neoliticheskikh kultur Vostochnoi Sibiri [Age and correlation of the Neolithic cultures of Eastern Siberia]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology]*. 1978, Is. 153, pp. 93–99. (In Russ.)

Khodukin Ya. N. Materialy k arkheologii reki Ilima [Materials for the archaeology of the Ilim River]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Bulletin of East Siberian branch of the Russian Geographical society]*. 1928, Vol. 53, pp. 115–123. (In Russ.)

Khoroshikh P. P. *Po peshcheram Pribaikaliya: (Ekskursii v peshchery Pribaikaliya) [The caves of the Baikal region: (Excursions to the caves of the Cis-Baikal region)]*. Irkutsk, Irkutsk book Publ., 1955, 72 p. (In Russ.)

Khoroshikh P. P. Neoliticheskii mogilnik na stadione «Lokomotiv» v g. Irkutske [Neolithic burial ground at the Lokomotiv stadium in Irkutsk]. *Sibirskii arkheologicheskii sbornik [Siberian archeological collection]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1966, pp. 84–93. (In Russ.)

Kirillova Yu. V. Skulpturnye izobrazheniya medvedi neolita – bronzy (pragmaticskei aspekt) [The sculpture of a bear of epoch of the Neolithic – Bronze Age (pragmatic aspect)]. *Kamennaya skulptura i melkaya plastika drevnikh i srednevekovykh narodov*

Evrazii [Stone sculpture and small plastic ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul, Azbuka Publ., 2007, pp. 25–27. (In Russ.)

Konopatskii A. K. *Drevnie kultury Baikala (o. Olkhon) [Ancient cultures of Lake Baikal (Olkhon Island)]*. Novosibirsk, 1982, 176 p. (In Russ.)

Lbova L. V., Zhambalтарова Е. Д., Конев В. П. *Pogrebalnye kompleksy neolita – rannego bronzovogo veka Zabaikaliya (formirovaniye arkhetipov pervobytnoi kultury) [The funeral complexes of the Neolithic – Early Bronze Age of the Transbaikal region (the formation of the archetypes of primitive culture)]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2008, 248 p. (In Russ.)

Makarov N. P. K voprosu o kontrolnykh svyazyakh drevnikh plemen Srednego Eniseya i Nizhnei Angary [To the question about the control connections of the ancient tribes of the Middle Yenisei and the Lower Angara]. *Problemy drevnikh kultur Sibiri [Problems of ancient cultures of Siberia]*. Novosibirsk, 1985, pp. 96–98. (In Russ.)

Molodin V. I., Oktyabrskaya I. V., Chemyakina M. A. Obraz medvedya v plastike zapadnosibirskikh aborigenov epokhi neolita i bronzy [The image of the bear in the plastic of the aborigines of the West Siberian in the Neolithic and Bronze Age]. *Narody Sibiri: istoriya i kultura. Medved v drevnikh i sovremennykh kulturakh Sibiri [The peoples of Siberia: History and Culture. Bear in ancient and modern cultures of Siberia]*. Novosibirsk, IAET SB RAS Publ., 2000, pp. 23–26. (In Russ.)

Nomokonova T. Yu., Goryunova O. I. Neoliticheskie kompleksy mnogosloinogo poseleniya Katun 1 (Chivyrkuiskii zaliv oz. Baikal) [Neolithic complexes of Katun 1 multilayer settlement (Chivyrkuiskii Bay of Lake Baikal)]. *Izvestiya Laboratori drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*. Irkutsk, ISTU Publ., 2004, Is. 2, pp. 117–123. (In Russ.)

Okladnikov A. P. *Neolit i bronzovyj vek Pribaikaliya [Neolithic and Bronze Age of the Baikal region]*. Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; №. 18 [Materials and researches on Archeology of the USSR; Vol. 18]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1950, Part 1 and 2, 411 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P. *Neoliticheskie pamyatniki Angary [The Neolithic sites of the Angara River basin]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974, 317 p. (In Russ.)

Peskov S. A. Novye arkheologicheskie obiekty v doline reki Irkuta [New archaeological sites in the valley of the Irkut River]. *Sotsiogenetika Severnoi Azii: proshloe, nastoyashchее, budushchее [The Sociogenesis in Northern Asia: past, present, future]*. Irkutsk, ISTU Publ., 2003, pp. 108–111. (In Russ.)

Peskov S. A., Krasnoshchekov V. V. Novye arkheologicheskie obiekty v doline reki Irkuta [New archaeological sites in the valley of the Irkut River]. *Izvestiya Laboratori drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*. Irkutsk, ISTU Publ., 2008, Is. 6, pp. 112–133. (In Russ.)

Sekerin A. P., Sekerina N. V. Nefriti i ikh rasprostranenie v Yuzhnoi Sibiri [Nephritis and their distribution in Southern Siberia]. *Baikalskaya Sibir v drevnosti [Baikal Siberia in ancient times]*. Irkutsk, Irkutsk State Pedagogical University Publ., 2000, Is. 2, Part 1, pp. 146–160. (In Russ.)

Studzitskaya S. V. Melkaya plastika v neolite Pribaikaliya: Izobrazitelnye traditsii [Figurines in the Neolithic of the Cis-Baikal region: the decorative tradition]. *Vestnik antropologii [Journal of Anthropology]*. 1998, Is. 5, pp. 207–220. (In Russ.)

Turkin G. V., Kharinskii A. V. Mogilnik Shamanka 2: k voprosu o khronologii i kulturnoi prinadlezhnosti pogrebalnykh kompleksov neolita-bronzovogo veka na Yuzhnom Baikale [Shamanka 2 burial ground: the question of chronology and cultural affiliation of the burial complexes of the Neolithic – Bronze Age of the Southern Baikal]. *Izvestiya Laboratori drevnikh tekhnologii [Reports of the Laboratory of ancient technologies]*. Irkutsk, ISTU Publ., 2004, Is. 2, pp. 124–158. (In Russ.)

Vitkovskii N. I. Kratkiy otchet o raskopkakh mogily kamennogo perioda v Irkutskoi gubernii [A brief report on the excavations of grave of the stone period in the Irkutsk region]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Russkogo Geograficheskogo obshchestva* [Bulletin of East Siberian branch of the Russian Geographical society]. Irkutsk, 1881, Vol. 11, Is. 3–4, pp. 1–12. (In Russ.)

Vitkovskii N. I. Otchet o raskopke mogily kamennogo veka v Irkutskoi gubernii, na levom beregu r. Angary, proizvedennoi letom 1881 g. [Report on the excavation of grave of the Stone Age, in the Irkutsk region, on the left riverside of the Angara River, produced in the summer of 1881]. Irkutsk, 1882, Vol. 13, Is. 1–2, pp. 1–36. (In Russ.)

Zhambaltarova E. D. Kult medvedya u drevnego naseleniya Yugo-Vostochnogo Pribaikaliya: interpretatsiya ranneneoliticheskogo obekta s cherepom medvedya Fofanovskogo mogilnika [The bear cult the ancient population of South-Eastern Baikal region: interpretation of Early Neolithic object with the skull of a bear of Fofanovo burial ground]. *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region]. 2013, Is. 3, pp. 142–151. (In Russ.)

Базалийский Владимир Иванович
инженер-исследователь
Иркутский государственный университет
664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: bazalirk@yandex.ru

Песков Сергей Александрович
главный специалист (археология)
ОГАУ «Центр по сохранению историко-культурного наследия Иркутской области»
664025, Россия, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 2
e-mail: ippeskov@mail.ru

Щетников Александр Александрович
кандидат геологого-минералогических наук,
старший научный сотрудник
Институт земной коры СО РАН
664033, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 128
e-mail: shch@crust.irk.ru

Тютрин Андрей Анатольевич
преподаватель истории
МБОУ г. Иркутска «Лицей № 1»
664043, Россия, г. Иркутск,
ул. Воронежская, 2
e-mail: anrey.tyutrin@yandex.ru

Bazaliiskii Vladimir Ivanovich
Research Engineer
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, Russia, 664003
e-mail: bazalirk@yandex.ru

Peskov Sergei Aleksandrovich
Chief Specialist (Archaeology)
RSAI «Center for Historic and Cultural Heritage Preservation of Irkutsk Region»
2, 5th Army st., Irkutsk, Russia, 664025
e-mail: ippeskov@mail.ru

Shchetnikov Aleksandr Aleksandrovich
Candidate of Science (Geology and Mineralogy), Senior Researcher
Institute of the Earth's Crust SB RAS
128, Lermontov st., Irkutsk, Russia, 664033
e-mail: shch@crust.irk.ru

Tyutrin Andrei Anatolievich
History Teacher
Lyceum no. 1
2, Voronezhskaya st., Irkutsk, Russia,
664043
e-mail: anrey.tyutrin@yandex.ru